

Николай Шумаков нашел Юлю по объявлению в толстенной, как «Нью-Йорк Таймс», рекламной газете «Доска объявлений». Одна из ее страниц пестрела завлекающими приглашениями к интимным встречам. Познакомиться для любовных утех предлагали «изящные брюнетки», «аппетитные шатенки», «длинноволосые, длинноногие, эффективные блондинки», «красивые в чулочках», «ласковые, темпераментные, гостеприимные девушки с яркой внешностью», «красавицы Сибири», «соблазнительные массажистки», «принцессы нежности и ласки», «элитные», «пышногрудые», «фигуристые» с «круглой попкой» и просто «маленькие, худенькие», но «сладенькие девочки», готовые удовлетворить любые фантазии и возбудить «даже мертвого»...

Ассортимент был на любой вкус, цвет и кошелек. Николай от души пове-

селился, читая объявления. Глаза разбегались от предложений одно зазывнее и экстравагантнее другого. Но по своему предпринимательскому опыту он знал: чем бросче и назойливей реклама, тем, как правило, хуже товар. Поэтому после некоторых размышлений остановился на скромном объявлении: «Симпатичная блондинка Юля познакомится лично». Николай набрал указанный телефон...

Такого рода способ завязывания интимных связей был им еще не опробован. Пользовался, правда, пару раз услугами девочек по вызову, которых, как пиццу на дом, доставляли клиентам шоферы-охранники, но эти встречи оставили у него ощущение наспех и всухомятку съеденных не первой свежести дешевых бутербродов, которыми ни голода не удовлетворил, ни удовольствия не получил. Одна изжога.

Впрочем, женским полом Николай

по жизни вообще особо не увлекался. Появлялись, конечно, время от времени подружки, завязывались отношения, но потом это как-то само собой рассасывалось, исчезало. Позже и вовсе не до того стало: слишком многое в последние годы на него навалилось: смерть старшего брата, затем матери, разрыв с отцом... Ну и небольшой бизнес свой надо было ставить на ноги. А это нескончаемые хлопоты, когда с темна до темна крутишься, как белка в колесе. Не до баб! Теперь, слава Богу – тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо! – дело вроде бы налаживается: успел и квартиру купить, и машину, и перспективы просматриваются неплохие. Так что можно себе позволить и расслабиться немного...

Интуиция Николая не подвела. Юля оказалась весьма привлекательной и интересной особой. Она не смотрелась секс-бомбой, но все у нее было на месте, все ладно пригнано. И, что поразительно, ни в миловидном мягкого овала открытом лице ее, ни в сине-зеленоватых больших глазах, меняющих цвет (как позже заметил Николай), словно морская волна в разную погоду, ни во всем остальном облике девушки не просматривалось еще той печати порчи и порока, которую неизбежно и очень быстро накладывает древнейшая профессия. Юля была пока свежа, не залапана, не замусолена множеством чужих губ и рук. Когда Николай впервые увидел ее на пороге своей квартиры – саму скромность и чистоту, которые еще больше подчеркивали ее простенькая синтетическая курточка, а под ней незатейливое платьице с белым шелковым воротничком и дешевые туфли, – он невольно подумал, что с такой, как она, хоть сейчас можно смело отправляться к родителям на смотрины. Но показывать ее ему было некому и незачем. Да и жениться в обозримом будущем Николай не собирался.

Первое впечатление, впрочем, было обманчивым. Во всяком случае, в постели Юля оказалась куда искуснее Николая. Но шло это, как все больше убеждался он, скорей не от большого собственного опыта, а от самой ее натуры, отмеченной и чувственностью, и внутренним темпераментом, и фанта-

зией, и даже артистизмом. В ней каким-то непостижимым образом уживались современная, без лишних комплексов «герлз» и тургеневская барышня.

С Юлей Николай по-настоящему отдыхал. И не только в постели. Она была разносторонней девушкой. Хорошо пела, аккомпанируя на гитаре, знала уйму стихов, вообще отличалась начитанностью, в отличие от Николая, «искурившего», как в той поговорке, «один букварь с братом на двоих». И Николай сначала никак в толк не мог взять, отчего такая интересная и развитая девушка пустилась по волнам эротического бизнеса. Однажды он прямо спросил ее об этом. Юля болезненно поморщилась, словно ей наступили на большую мозоль, и сказала:

– Зачем тебе знать?

– Да так... – отчего-то смутился Николай. – Вроде бы не один уже день вместе, хочется побольше о человеке узнать.

– Ничего интересного, – отмахнулась Юля. – Обычная история. Деньги нужны. – Помолчала и, вздохнув, сказала: – За учебу платить надо. Я на четвертом курсе филфака в педуниверситете учусь. Да и одеться-обуться прилично тоже хочется. А Жизнь-то нынче вон какая дорогущая! Чтобы дешевое белишко купить, месячной стипендии не хватит.

– А родители?

– Разошлись они. Отец свалил неизвестно куда, а мать с новым мужем живет. Им совсем не до меня. Да и они мне оба по барабану.

– Ну а другим способом нельзя заработать?

– Можно, наверное, но у меня как-то не получалось. Я и официанткой в пиццерии была, и уборщицей в офисе, и всякие рекламные листовки по почтовым ящикам раскидывала. Везде гроши, да и те сразу не получишь, вечно задержки. А у меня и так кругом долги.

– А что... здесь больше выходит?

– Если судить по моим однокурсницам, – да. У нас полгруппы этим делом занимается. Кто в массажных салонах, кто по вызову. У всех прикид отличный, косметика, кольца-перстеньки, ни в чем себе не отказывают. Я среди них как золушка.

– И тогда ты решила, что панель – лучшее место для заработков? Сам того не желая, съязвил Николай.

– А что – думаешь, когда на фирме бизнесменишки, вроде тебя, пытаются оттрахать за просто так прямо на рабочем месте, – это лучше? – с вызовом ответила Юля. – Понимаю, что за все надо платить! Так уж лучше я сама предложу свой товар и цену ему назначу. На панель я, конечно, не пошла бы. Там и противно, и опасно. Можно так нарваться...

– Нарваться можно везде, – заметил Николай.

– Можно, – согласилась Юля. – Но тут ты как бы сама себе хозяйка: не нравится клиент – откажись от него.

– И многим ты уже отказала в своей индивидуальной трудовой деятельности? – уже предчувствуя ответ, поинтересовался Николай.

Юля потупилась и смущенно призналась:

– Не успела я еще никому отказать. Я только начинаю...

– Дай Бог, чтобы и остальные клиенты у тебя были такие же хорошие, как я, – самодовольно сказал Николай.

– И чтобы их было как можно меньше, – со значением, смысл которого, впрочем, Николай сразу же просек (девушка явно искала долговременного партнера-спонсора), уточнила Юля.

– Слушай, а возраст для тебя значение имеет? – вдруг спросил Николай, осененный какой-то мыслью.

– В каком смысле?

– Ну, к примеру, пожилого человека будешь обслуживать?

– Почему бы и нет, если он того стоит? – пожала плечами Юля.

– Стоит, стоит... – невнятно пробормотал Николай, захваченный какой-то идеей...

2

Вот он, – показал Николай на вышедшего из подъезда мужчину. Юля подалась вперед, к лобовому стеклу, чтобы лучше разглядеть, но Николай резко осадил ее:

– Еще высунься, ручкой помашి...

Мужчина тем временем приближался. Стройный, подтянутый, фигурой

своей он никак не походил на человека, которому, по словам Николая, было под шестьдесят. Темно-русые вьющиеся волосы слегка тронуты сединой. Как и небольшая аккуратная бородка, завершающая продолговатое с правильными чертами лицо мужчины. Легкую горбинку его прямого носа оседлали солнцезащитные очки. Вполне, в общем, привлекательная внешность. Как-то не похож он на отморозка, которого рисовал Юле Николай, уговаривая ее на это щекотливое дело...

Связь их длилась уже не одну неделю. Николай то пропадал на какое-то время, то звонил, вызывая Юлю к себе на квартиру, и она честно отработывала свои деньги. Было бы лучше, если бы Николай вообще взял ее на содержание, но он не спешил и расплачивался за каждый визит отдельно. И вот однажды он сделал ей предложение. Не в смысле замуж пойти, но тоже заставившее ее задуматься.

– Знаешь, – сказал Николай, – ты можешь заработать куда больше, чем я тебе сейчас плачу, и не в час по чайной ложке, а почти сразу.

– Как это? – удивилась Юля.

– А вот так, – сказал Николай. – Надо сделать одно дело...

Дело же состояло в следующем. Есть на земле один злобный монстр-старикан. Этот страшный человек появился в их доме после смерти отца Николая, погибшего несколько лет назад в Таджикистане, где служил в дислоцированной там 201-й российской дивизии. Гость представился сослуживцем и другом отца и попросился к ним на постой на некоторое время, пока не обустроится в незнакомом городе. Мать по доброте душевной и в память о муже согласилась. Она и предположить не могла, какие беды тем самым навлекает на свой семейный очаг. Позже оказалось, что этот монстр занимается наркоторговлей и возглавляет организованную преступную группу, поставляющую наркотики из Средней Азии. В нее вовлек он и старшего брата Николая – Бориса. Во время операции по захвату накодельцов он был убит. Узнав об этом, мать наложила на себя

руки. Монстру же удалось ускользнуть. Николай остался последним из их семьи свидетелем его злодеяний, поэтому вынужден был бежать и скрываться. Но вечно скрываться невозможно, да и терпение лопнуло. Пришла пора навсегда «закрыть» негодяя. Однако сделать это не так просто. За ним не только мафия, но и коррумпированные органы, благодаря которым он всегда может вывернуться, выйти сухим из воды. А если от него не избавиться раз и навсегда, будут продолжать страдать честные, ни в чем неповинные люди, литься реки крови. Поэтому надо действовать осторожно и хитроумно – чтобы комар носа не подточил...

– У меня есть один план, который поможет нам нейтрализовать этого упыря... – понизив голос, хотя никого, кроме них двоих в комнате не было, говорил Николай.

План был гениально прост, хотя исполнение его требовало определенных усилий и времени. И Юле отводилась в нем главная роль. Заключался план в следующем. Юля должна была обаять и влюбить в себя старого негодяя, вступить с ним в длительную связь...

– Как с тобой? – уточнила с каким-то царапнувшим Николая вызовом Юлия.

– Со мной, не со мной... – поморщился он. – В такую, которую ему не хотелось бы прерывать. Поняла?

– А дальше?

– А дальше мы будем сживать его со света, – нехорошо усмехнулся Николай, и тут же лицо его сделалось серьезным и жестким.

– Каким образом?

– Будешь подсыпать ему один порошок, который станет его и убьет... Впрочем, когда до этого дойдет, поговорим отдельно.

– Значит, хочешь использовать меня в качестве киллера? – возмутилась Юля.

– Ой, только не надо этой дешевой криминальной мелодрамы! Просто стоит задача быстрее очистить землю от злодея и преступника и получить за это... ну, скажем... – наморщил на секунду лоб Николай, – три тысячи баксов.

– И всего-то? За такого можно было б и больше! – окончательно завелась Юля.

– А сколько ты хотела? – раздраженно спросил Николай.

– Да раза в три больше!

– В три раза?! – изумился он. – Девять штук только за что, будешь подсыпать ему порошок?..

– Который сведет его в могилу, а меня – за решетку, – закончила Юля.

– Ну, его и в самом деле отправит куда надо, но тебе-то бояться совершенно нечего.

– Да, конечно, я с ним буду жить, он при мне умрет, и мне нечего бояться... Ври да не завирайся. Начнется следствие, и я первая подозреваемая. Так?

– Не совсем. Понимаешь... – Николай погладил Юлю по плечу. – Порошок действует медленно, постепенно и незаметно. Он доводит организм до критического состояния – и наступает смерть. Но самое главное – через два-три часа после приема от него не совершенно остается следов. И никакие криминалисты с любыми их анализами его не смогут обнаружить. Все чисто. Представляешь!

– Так не бывает, – недоверчиво сказала Юля.

– Бывает... – возразил Николай. – В наше время все бывает.

– Ну, хорошо, а если он догадается про меня... Мне ж тогда не жить!

– А ты сделай так, чтоб не догадался. За хорошие деньги можно и постараться.

– Это ты называешь – хорошие деньги?

– Да ты их своим промыслом и за полгода не заработаешь.

– Зато и без риска.

– А тут что за риск? – начал злиться Николай. – Ну... минимальный...

– Для тебя... – не сдавалась Юля. – Ты в сторонке останешься, в теничке. А я жизнью буду рисковать

– Ладно – пять и по рукам, – назвал новую цену Николай.

Юля задумалась.

Если все так, как говорит, Николай, то, правда, чем она рискует? Юля и сама где-то слышала или читала об удивительном порошке, который чудесным образом замечает за собой следы. Но это, кажется, секретное изобретение спецслужб?.. Впрочем, сегодня все тайны продаются и покупаются, и у Нико-

лая тоже вполне может оказаться нечто подобное. С другой стороны, убийство есть убийство, как его ни обставляй. Но ведь и старикан, если верить Николаю, убийца, на совести которого не одна загубленная душа. Так что одним больше, одним меньше... Вокруг столько крови, что лишняя капля ничего не изменит... Еще и доброе дело она, глядишь, сделает: избавит мир от такого... Тоже мне, Робин Гуд в юбке! – тут же усмехалась про себя Юля.

Однако, как ни крути, Николай предлагал хорошие деньги, на которые она смогла бы серьезно поправить свои дела и решить большинство текущих проблем. Надоело уже вот так жить, не имея ни опоры, ни поддержки...

Жалкая провинциалка из глухого райцентра, где можно только тихо умирать от беспросветной тоски, Юля поехала после окончания школы в областной город, полная радужных надежд. Ей казалось, что ждет ее здесь прекрасное будущее: получит хорошее образование, заведет семью и будет жить красиво и счастливо, как в дамских романах, которые обожала ее мать. Однако реальность очень быстро рассеяла розовый туман ее мечтаний.

Юля хорошо сдала вступительные экзамены в педуниверситет, но, в результате, ей предложили только платное обучение. И лишь благодаря отцу, который на первых порах, когда после развода еще продолжал жить в райцентре, как мог, поддерживал ее, оплачивая учебу и общежитие, чем вызывал раздражение и злость матери, уверенной, что он выбрасывает деньги на ветер, а девке надо искать выгодного мужа, Юля продержалась в вузе два года. А потом отец куда-то уехал, не оставив никаких координат, исчез, растворился, словно и не существовало его никогда. Может, уже и в живых нет. Мать же, найдя себе нового мужа, на дочь смотрела теперь как на досадную в ее жизни помеху.

Надеяться больше было не на кого, Юля осталась один на один со своей жизнью, которая зияла пугающей финансовой брешью. Надо было добивать университет. Правда, сейчас Юля, уже имевшая некоторое представление, как живут российские педагоги на свою ни-

щенскую зарплату, вовсе не была уверена, что вузовский диплом существенно изменит ее дальнейшую жизнь. Тут мать, возможно, была и права. Но по врожденной привычке доводить начатое до конца, Юля решила вуз не бросать и упросила ректорат отсрочить ей сроки выплаты за очередной семестр. Но уже и эти сроки проходили, а положение почти не менялось. Еще и из общаги попросили за неуплату. Хорошо хоть подруга Ленка выручила: на квартире, которую снимала, приютила. В общем, куда ни кинь, везде клин. Случайные же заработки никак не спасали.

Однажды им с Ленкой попалась на глаза рекламная газета, где «милашки» и «обаяшки» предлагали себя желающим. Они зачитывали объявления вслух и от души хохотали. А потом Ленка сказала: «А что – может, и нам с тобой попробовать? Чем мы хуже всех этих «кошечек»? Дадим о себе в эту же газету объявление, укажем телефоны. Работать будем без посредников».

Решили, что каждый должен представлять себя сам, но достаточно скромно и со вкусом. Ленка написала о себе: «Умна, красива, молода! Приеду в гости хоть куда!», а Юля – совсем лаконично: «Симпатичная блондинка познакомится лично». Ленка сама же оба объявления в газету и отнесла. Юля при этом ни на что особенно не рассчитывала, отнеслась скорее как к шутке. Но через несколько дней сначала «клонули» на Ленку, и Юля спешно ретировалась, уступая подруге жилплощадь, а потом и ее «вызвонили» и пригласили на интимное randevu...

И не так оказался страшен черт, как его малюют. Наверное, потому, что первые Юлины клиенты не были ни бандитами, ни сексуальными маньяками или извращенцами, а были просто затурканными своими женами и семейными проблемами мужичками в поре «кризиса среднего возраста», решившими хоть разок в жизни поискать приключений на стороне. При немалом своем семейном стаже были они неловки и неуклюжи в постели, и Юле приходилось самой брать инициативу на себя. Зато каждый изливал душу по полной программе, словно приходил не к проститутке за любовными утехами

ми, а к попу на исповедь. И это было куда неприятнее и утомительнее, чем чувствовать на себе чужое нелюбимое тело. Но поскольку теперь это становилось частью ее работы, приходилось терпеть, изображая, с одной стороны, страсть, а с другой – участливое внимание. Впрочем, и то, и другое удавалось ей без особого труда, как нечто вполне естественное, включающееся в нужный момент само собой.

Николай на ее «профессиональном» счету стал не то не то шестым, не то седьмым. И, можно сказать, постоянным клиентом. Во всяком случае, Юле очень хотелось бы на это надеяться. Не только потому, что он приносил ей довольно ощутимый для ее положения доход. С ним было проще и легче. Он был достаточно молод, недурен собой, хорошо сложен, неплох как сексуальный партнер. И, слава Богу, не лез с душевными излияниями. С ним можно было беспечно поболтать, посмеяться, даже стихи почитать. Юля не загадывала далеко, и нынешние достаточно теплые, непринужденные их отношения ее вполне устраивали. И вдруг это неожиданное предложение...

Спалохи сомнений, впрочем, мелькали в голове Юли недолго. В зеленом дьявольском свете вожделенных баксов, застилающем ее сознание, растворились последние рефлексии...

Мужчина поравнялся с их машиной – Николай поспешно прикрылся газетой – и, не обратив на авто ни малейшего внимания, повернул направо.

– Куда он? – спросила Юля.

– Есть неподалеку одна кафешечка, «Зеленый попугай» называется. Любит он там посидеть, пивка попить. Кстати, удобное место для знакомства. Твоих «коллег» там не бывает, поэтому все сойдет за чистую монету. Еще и за непорочную деву примет, если постараться, – хмыкнул Николай.

Он легонько надавил на педаль газа и медленно двинулся следом за «клиентом».

– На вот тебе его фото, пригодится, – протянул он небольшого размера фотографию явно из семейного альбома.

– А как его звать?

– Анатолий Борисович. Надеюсь, скоро он тебе сам представится. А вон и заведение, – показал Николай на кирпичную пятиэтажку старой постройки. В глубину ее полуподвала вела каменная лесенка в несколько ступенек, увенчанная с улицы аркой, на которой красовалось – «Зеленый попугай».

«Клиент» уже спускался вниз. Вот он потянул на себя золоченую ручку и скрылся за темно-коричневой входной дверью.

– Действуй! – сказал Николай.

Юля вздохнула, и стала выбираться из машины.

3

Юля потянула золоченую ручку двери на себя и прошла внутрь. Здесь оказалось довольно уютно. Интерьер кафе был стилизован под старинную таверну. На краю стойки бара Юля увидела клетку с большим зеленым попугаем, который, заметив ее, закричал надтреснутым голосом: «Добр-р-ого здр-р-авия!» Видимо, приветствовать этой немудреной фразой каждого вновь пришедшего входило в его обязанности дрессированной птицы.

Юля прошла к стойке и огляделась. Посетителей было немного. Несколько парочек за массивными деревянными столами в интимном полусумраке подвальяка потягивали кто пиво, кто напиток покрепче. «Клиент» сидел в дальнем углу в одиночестве. Юля почувствовала на себе его заинтересованный взгляд. Тем лучше! Оставалось только решить: самой, подсев к нему за столик, завязать знакомство, или подождать у стойки в надежде, что он возьмет инициативу на себя и подойдет ее «снять». А если не возьмет, не подойдет? Будет из своего угла на нее пялиться, а дальше – тишина. Юля заказала коктейль и с робостью человека, впервые попавшего в подобное заведение, направилась в сторону «клиента».

По совету Николая Юля надела то самое темно-синее платье с белым шелковым отложным воротничком, в котором он впервые увидел ее на пороге своей квартиры. В сочетании с меняющимися, как морская волна, си-

не-зеленоватыми глазами оно подчеркивало в ней столь неожиданный на фоне нынешней отвязной молодежи и пленительный для настоящего гурмана-ценителя женской красоты облик тургеневской барышни. «Он человек несколько старомодный, в таком виде ты ему больше понравишься», – уверил Николай. – И вообще, я думаю, чем сильнее ты будешь прикидываться скромной овечкой, тем больше у тебя шансов на успех нашего мероприятия».

Возле столика «клиента» Юля приостановилась, словно раздумывала, где бы устроиться: здесь, или подсесть к парочке по соседству.

Анатолий Борисович любил коротать в этом уютном кафе свободные вечера, разглядывая из дальнего своего полутемного уголка посетителей. Юлю он заметил сразу, как только она вошла. И тут же у него возникло удивительное предчувствие, что с этой девушкой у него будет многое связано. Удивительное потому, что он был мужчиной уже далеко не первой молодости, и разве может быть что-то общее между ним и этим юным современным созданием. Вот только на нынешних девиц она не очень походила. Было в ее облике нечто такое, что навевало на воспоминания о собственной молодости. Словно и пришла она оттуда, а, может, и из еще более давних времен, отмеченных заповедной чистотой и возвышенностью чувств.

– Девушка, присаживайтесь сюда, – пригласил Анатолий Борисович. – Разделите мое одиночество.

– А если я тоже хочу одиночества? – помимо воли вырвалось у Юли, и она испугалась: ведь ее задачей было как раз, наоборот, в ближайшее время, по крайней мере, разделять одиночество этого, пока еще совсем незнакомого ей человека.

– Ну, тогда за одним столом окажутся два одиночества, – мягко улыбнулся «клиент». Он кого-то напоминал ей. Только вот вспомнить не могла.

Юля осторожно поставила на массивную столешницу свой коктейль и нерешительно села напротив.

– Что-то я вас здесь раньше не видел.

– Я случайно сюда заскочила... На минутку...

Вспомнив, что за «случай» привел ее сюда, Юля слегка поперхнулась, поднеся к губам тыльную сторону ладошки, кашлянула разок-другой, собираясь, настраивая себя на нужную волну, и спросила:

– А вы здесь часто бываете?

– Да можно сказать – регулярно. Если только дела не заставляют куда-нибудь на время уехать. Я живу неподалеку. Но дома в пустых стенах не очень весело, а здесь люди. В то же время, спокойно, уютно. А что еще старику надо!

– Да какой же вы старик? – удивилась Юля, и удивление ее было вполне искренним.

Его стать и выправка, многим нынешним молодым с их ранней сутулостью или пивными животиками – на зависть, были видны в нем даже сейчас, когда он расслабленно сидел за столом, поглаживая аккуратной ладонью пивную кружку. И чуть впалые щеки его, и с небольшой ямочкой подбородок были тщательно выбриты, что тоже придавало ему моложавости. Волнистые волосы над высоким лбом непослушно распадались на два темно-русых крыла. Если что и выдавало его возраст, так это борозды трех глубоких морщин на лбу и совершенно седые виски. По всей видимости, он не пользовался парфюмом – от него не пахло ничем, кроме чистой здоровой мужской кожи, и это Юле понравилось: иные мужики по полведра всякой дряни на себя выливают. Один из Юлиных клиентов заявился к ней, распространяя такой густой аромат хвойного дезодоранта, что когда вспотел, перейдя к «делу», Юлю чуть не вырвало: было ощущение, будто лежит она рядом с елкой, под которую только что нагадили.

Солнцезащитные очки Юлин визави снял, и теперь она видела его глаза: большие, чуть скошенные к скулам, в полусумраке заведения казавшиеся темно-синими, почти черными. Они смотрели на нее внимательно, но не было в них, к удивлению Юли, того животного похотливого интереса, к которому в последнее время она уже почти

привыкла, также воспринимая его как часть своей новой работы. Глаза были теплыми, немного грустными. От них не хотелось отворачиваться или опускать взор.

– Старик, конечно! – снова улыбнулся «клиент». – Скоро шестьдесят стукнет. Но за комплимент все равно спасибо!

«Кто ж так клеится? – подумала Юля. – Другой бы на его месте половину лет себе скостил да хвост павлином распустил, а этот – мои года – мое богатство!..»

И это ей тоже понравилось.

– Тогда вы просто чудно сохранились для своих лет, – сказала Юля. – Вы, наверное, бывший спортсмен? – предположила она.

– Скорее бывший военный, – сказал он. – Разрешите представиться: Анатолий Борисович. А вас?

– Юля.

– Вы очаровательны, Юленька! – с чувством сказал Анатолий Борисович, потянул ее ладошку к себе, и Юля почувствовала тепло его чуть жестковатых губ.

Рук ей никогда не целовали, и ощущение было непривычным. Настолько трогательным, что чуть слезы не навернулись.

– А вы?..

– Что я?

– Попробую сам угадать... Вы скорей всего студентка.

– Вы так проникательны! – сделала удивленные глаза Юля, а про себя с тоской подумала, что в таком сиротском «прикиде» ее, кроме студентки из провинции, живущей вдалеке от бедных родителей, разве что еще за детдомовку или бомжиху можно принять. – Но мне пора, – привстала со своего места Юля.

– Посидите еще! – стал упрашивать Анатолий Борисович, однако Юля, решив, что на первый раз, пожалуй, хватит, а то как бы не переиграть, на уговоры не поддавалась. Проводить себя тоже пока не позволила, но пообещала заглядывать сюда почаще, чем необычайно, заметила она, окрылила «клиента», еще раз поцеловавшего ей руку на прощанье.

В следующий раз они встретились через день – здесь же, в «Зеленом попугае», столкнувшись прямо у входа. Анатолий Борисович был в синих джинсах и в тон им легкой спортивной куртке на молнии, еще больше подчеркивавших его стать и молодость.

– Может, погуляем? – предложил он, и Юля не заставила себя упрашивать.

Стояла середина августа, лето шло к исходу. Было еще тепло, но уже не жарко. В кронах деревьев пробивалась золотые осенние пряди.

Они бродили по скверу неподалеку от «Зеленого попугая». Потом сидели на открытой почти пустой террасе летнего кафе. Анатолий Борисович угощал Юлю мороженым, и все больше задумчиво молчал.

Уж не пронюхал ли он чего о ней, не догадался ли, зачем она рядом с ним оказалась? – пугалась Юля, ощущая на себе его взгляды и боясь оторвать глаза от мороженого. – А теперь вот соображает, как расправиться, – передергивало ее от страха. – Он же – мафиози, – вспоминала она рассказы Николая, – главарь банды! Что ему стоит выхватить сейчас пистолет с глушителем, как в телесериалах, и – пук! – ее прикончить! Да он сам, наверное, и мараться не станет. Подойдут сзади два его братка-бандюгана, завернут ей руки назад, запихают в багажник и увезут в лес. А там наиздеваются и живьем закопают. Или сожгут, облив бензином. Боже, и зачем она только согласилась на это дело!..

Холодея от ужаса, Юля оглянулась. За спиной никого. На асфальтированную площадку перед кафе выходили лучи трех аллеек, обрамленных ровно подстриженным низкорослым кустарником. По ним катали коляски молодые мамы и бабушки водили за руку внуков. Машин поблизости не было...

– Что с вами, Юля? – вернул девушку к действительности встревоженный голос Анатолия Борисовича.

Юля повернулась, встретилась с ним взглядом и успокоилась. Взгляд этот не предвещал ей ничего плохого. Скорее наоборот. Его синие глаза (на солнечном свете они уже не казались

темными) излучали сразу и восторг, и обожание, и влюбленность, и... печаль. Так смотрит ребенок на игрушку в магазинной витрине, о которой давно мечтал, но которая ему пока недоступна.

И разве же такие глаза могут быть у злодея, которому нет места на земле?..

– Все нормально, Анатолий Борисович, все нормально, – тряхнула головой Юля, отгоняя свои страхи, и снова подумала, что он ей кого-то напоминает. Какого-то киноактера из старых советских фильмов. И кого-то еще...

Теперь они встречались почти каждый вечер. И каждый из этих вечеров был по-своему неповторим. А все вместе – замечательны для Юли тем, что впервые в жизни за ней ухаживали по-настоящему красиво, галантно, без пошлых намеков и поползновений в первое же свидание, но и без пыли в глаза. Анатолий Борисович не забрасывал ее охапками цветов, не водил по шикарным ресторанам, не купал в шампанском на загородных виллах, не обвешивал ее драгоценностями, не возил «отрываться» по заморским курортам. И не потому, что и не по карману было, сразу же поняла и почувствовала Юля, встречаясь с ним, а просто не по нутру. Они шли то в театр, то в концертный зал, то в зоопарк, а то оказывались среди разновозрастной и разношерстной публики в бардовском клубе, где в сполохах свечей плачут и смеются гитары вместе с хриплоголосыми своими хозяевами. А иногда просто гуляли в укромных аллеях и смотрели, как начинают обнажаться деревья, устлая опавшими листьями дорожки. Вспоминались пушкинские строки про «багрец и золото» и левитановские картины.

– До чего же красиво, не правда ли, Юленька? – говорил Анатолий Борисович, протягивая руку навстречу падавшему листу, и, грустно улыбаясь, добавлял: – Как не хватает нам этого вот естественного покоя и умиротворения в нашей суетной жизни! – Но тут же спохватывался: – Извините, это я, пожалуй, уже по-стариковски. Молодым покой, наверное, даже и не снится.

«Полный отстой!» – хотела Ленка, узнав о «странностях» нового Юлиного «клиента», а ей нравилось. Нравилось, что в ней видят человека, а не смотря

на нее прежде всего как на объект вожделения, что окружают ее той особенной чувственной атмосферой, которая возносит, возвышает и дает возможность ощутить себя полноценной женщиной.

Со сверстниками и однокурсниками все было по-другому. Примитивнее и скучнее. Удивительно, но будущие педагоги редко выбирались в театр или на концерт. Занятия, университетская библиотека, общага, в одном из холлов которой два раза в неделю дискотека. Дефицит своих парней восполняют курсанты из соседнего высшего военного училища, ребята здоровые и напористые, как молодые бычки, с полутора извилинами в голове, да и те работают в одном направлении – быстрее в охапку да в койку. Правда, свои немногочисленные педагогические особи мужского полу – и того хуже. У бычков хоть с плотью все в порядке. А эти алкоголем и наркотиками по большей части так подорваны, что весь пар в «свисток», то есть в пустопорожний треп только и уходит. Да и от него на второй минуте зубы начинает ломить. Пробовала Юля и с теми, и с другими. Хрен оказывался редьки не слаще. Скучно! Словно кукла ты механическая. Хотя, может быть, она слишком привередливая. Девки-то их, педагогины, за «бычков» с удовольствием замуж высказывали...

Анатолий Борисович годился Юле чуть ли уже не в дедушки – ей двадцать один, ему под шестьдесят, но она совершенно не воспринимала его стариком, чувствовала себя с ним удивительно легко и забывала о разнице в возрасте.

Он был удивительно начитан, и, когда Юля иной раз начинала в эмоциональном приливе декламировать стихи любимых поэтов, он вдруг подхватывал на полуслове и заканчивал строфу или стихотворение. Он знал толк в театре, в хорошей музыке, эстраде. В нем чувствовался тонкий вкус. Он вообще много чего знал, видел. И умел также со вкусом рассказать. Но даже и молчать с ним было легко.

Впрочем, и разговаривая о том, о сем, непринужденно занимая друг друга этими разговорами, они, словно заранее договорившись, обходили темы личные. Юля, интуитивно боясь спуг-

нуть его неосторожным словом или вопросом, о подробностях его жизни не спрашивала, да и о себе распространяться не спешила. Анатолий Борисович тоже держал здесь дистанцию.

С Николаем у Юли интимные встречи прекратились. Он и не настаивал. Зато проявлял жадный интерес к тому, как развиваются ее отношения с Анатолием Борисовичем, и тропил:

– Тащи быстрее в постель и объявляй ему «шах»: мол, переспал, значит, как честный человек обязан жениться.

– А если не согласится?

– Я так понимаю, что он уже втюрился в тебя по уши?

– Может, и втюрился, только захочет ли жениться? – У Юли вдруг сладко зануло сердце.

– Захочет, не захочет... – пожал плечами Николай. – Это я так, образно сказал. Будете просто сожительствовать. Меньше мороки. Так что хватит романтических встреч, давай ближе к телу и делу...

Юля сразу же вспомнила о конечной цели, поставленной Николаем. Острым шилом кольнуло под сердцем, и стало как-то неуютно, зябко – ледяным ветерком обожгло. Все вроде бы получалось лучше некуда: зверь сам бежал на ловца, оставалось только захлопнуть клетку, окончательно пленив его. Но зверь оказался совсем не таким зверским, каким его Юле старались преподнести, а очень даже симпатичным и милым. И доверчивым в ожидании тепла и ласки. А потому его было жалко.

5

Обычно их свидания начинались возле входа в «Зеленый попугай». Встречались здесь, а уж потом отправлялись куда-нибудь. Пару раз Анатолий Борисович подъезжал за ней на выдавших виды «Жигулях» одной из ранних (какой именно – в этих тонкостях Юля разбиралась плохо) модели.

– Прошу в мою, подстать хозяину, старушку, – распахивая дверцу, с неловкой улыбкой приглашал Анатолий Борисович.

Машина шла на удивление ходко; отлично, видимо, отлаженный мотор работал едва слышно, да и Анатолий Борисович, чувствовалось, был пре-

красным водителем. Такому бы да крутую иномарку в руки! «А почему, кстати, он ездит на этом раритете? Для супер-пупер-мафиози как-то даже неприлично...» – спросила сама себя Юля, но вслух ничего не сказала.

Еще больше удивила Юлю квартира Анатолия Борисовича.

Перевалил свой экватор сентябрь, зарядили дожди. Похолодало. «Зеленый попугай», у дверей которого они по традиции встретились, почему-то сегодня не работал: то ли на санитарный день, то ли учет был закрыт. Промозглая сырость к прогулкам на свежем воздухе не располагала, и Анатолий Борисович, смущаясь, предложил зайти к нему. Наконец-то! – обрадовалась про себя Юля. И не только потому, что скоро появится возможность «перейти к делу». (Это-то как раз ее все больше пугало). Хотелось уже не просто встреч и ухаживаний, а более целенаправленного и четкого развития сюжета их отношений.

Апартаменты грозного «мафиози» оказались обыкновенной двушкой в «хрущевке» с крохотной прихожей и тесной кухонькой. Евроремонт, как и богатством, здесь не пахло. В зале, еще с советских, видимо, времен – вишневая мебельная «стенка» с золотистой инкрустацией, такой же раритетный диван-кровать. А еще стол и пара кресел. Современным был, пожалуй, только телевизор «Тошиба». В спальне Юля увидела широкую тахту и темно-коричневый полированный трехстворчатый шифоньер. Точно такой же, как и у них дома, куда еще девочкой Юля вешала на плечики свои платья и блузки.

Отличали же квартиру чистота и порядок, никак не вяжущийся с расхожим представлением о заплыванном холостяцком быте. Тем более удивительные, если учесть, что вести ее к себе в гости Анатолий Борисович сегодня явно не планировал и к встрече не готовился.

Позже Юля спросила у Николая, очередной раз допытывавшегося по телефону, как идут у них дела, почему ее «клиент» ездит на такой доисторической тачке и обитает в столь непрезентабельной хатенке. Как-то не очень вяжется с образом наркобарона.

– Много ты их видела!.. – сердито

засопел Николай в трубку. – Разные они бывают. А этот – шифруется, старается не светиться. Есть у него и «мерсы», и коттеджи, и недвижимость за бугром... – все есть. Только не для твоих глаз и не по твою душу. Не об этом тебе надо думать...

Она и не думала.

Анатолий Борисович отправился на кухню варить кофе, а Юля лихорадочно соображала, как ей поступить. Прямо сейчас раздеться – на, мол, хватай меня, пользуйся? Но, ведь, он девочку домой на час по прейскуранту не заказывал, чтобы так вот: раз, раз – и быстрее на матрас. Если она и правда подобным образом поступит, то, пожалуй, только дело все испортит. Да и самой ей как-то совсем не хотелось превращаться из предмета воздыхания а его глазах в обыкновенную шлюху, готовую отдаться чуть ли не за чашку кофе. Но и дальше тянуть резину тоже...

Аппетитно запахло кофе, звякнули чайные ложечки, послышались шаги Анатолия Борисовича, а Юля так и не придумала, как ей себя сейчас вести. Ну и пусть все катится само собой – решила она – куда уж кривая вывезет!..

В дверях залы появился Анатолий Борисович, выкатывая передвижной столик, на котором дымились кофейным ароматом две фарфоровые чашечки, лежало в плетеной соломенной корзиночке печенье, а рядом – коробка шоколадных конфет. Хозяин квартиры расставил все это на журнальном столике возле дивана и придвинул к нему кресла, пояснив: «В них удобнее».

Последовала продолжительная пауза. Чувствовалось, что и Анатолий Борисович пребывает в некоторой растерянности от их «тет-а-тет». До сих пор оставаться полностью наедине им еще не приходилось. И это его тоже сковывало.

– Хороший кофе, – отхлебнув из чашечки, похвалила Юля и спросила: – Анатолий Борисович, а вы здесь живете один?

– Сейчас один. А когда-то нас тут было четверо – целая семья. Нормальная человеческая семья: муж, жена, двое сыновей.

– А где они сейчас?

Анатолий Борисович торопливо,

даже как-то несколько судорожно прихлебнул кофе, помрачнел. Кожа на его скулах натянулась, поперечная складка на лбу, над переносицей прорисовалась резче и глубже, проступили и напряглись желваки, словно от внезапно приступа изо всех сил сдерживаемой боли. И Юля подумала, что, наверное, зря его об этом спросила.

– Извините... – пробормотала она.

– Да нет, что вы, Юлечка, все нормально! – улыбнулся Анатолий Борисович, справившись с собой. – Все нормально. Как-нибудь, если захотите, конечно, мы поговорим и об этом, и о нас с вами, и о многом другом подробнее. Надеюсь, у нас будет достаточно времени...

И Юля невольно подумала, как же непохож он на ее «клиентов», успевавших за час отведенного им времени пролить ей на подушку бурные потоки крокодильих слез о тяготах семейного быта.

Дальше разговор как-то не пошел. Анатолий Борисович молча гладил ручку кофейной чашечки, не отрывая от нее взгляда. Был он сейчас где-то не здесь и думал о чем-то своем.

Юля стала прощаться.

Анатолий Борисович очнулся, засуетился, стал бормотать извинения, пырялся проводить. Юля удержала его.

– До встречи! – сказала она в дверях.

– До скорой! – поправил он, взяв ее ладонь в обе руки.

6

Ждать пришлось недолго. Уже через два дня Анатолий Борисович позвонил ей и пригласил вместе поужинать.

Они, как всегда, встретил ее у «Зеленого попугая». Юля подумала, было, что сейчас они спустятся в полуподвал кафе, но Анатолий Борисович смущенно и в то же торжественно сказал:

– Юля, я хотел бы опять пригласить вас (они до сих пор были на «вы») в свою одинокую берлогу. Я не очень люблю заведения общепита, но, уверяю, вы не пожалеете, если отужинаете у меня дома.

– А дома еще и лучше, – легко согласилась Юля, ничего слаще студенческой столовой и не видевшая.

Во второй раз за эту неделю Юля

переступила порог квартиры Анатолия Борисовича. Сегодня она сверкала еще большей чистотой. Знакомый журнальный столик был застелен узорчатой скатертью и сервирован на две персоны, а на самой его середине в красивой вазе цветного чешского стекла благоухали бордовые розы. Из кухни доносились вкусные запахи, от которых невольно текли слюнки.

Анатолий Борисович провел Юлю в зал, усадил за столик и исчез на кухне. Через несколько минут столик был заставлен салатами и закусками.

– А на горячее у нас будет парная телятина в белом вине и грибном соусе, тушенная в горшочках. Пусть она еще немного потомится в духовке, а мы пока займемся вот этим... – В руках Анатолия Борисовича появилась запотевшая бутылка «Алазанской долины». – С этим вином у меня связаны воспоминания о прекрасной солнечной Абхазии.

– Вы там отдыхали? – спросила Юля, принимая от Анатолия Борисовича бокал с темно-розовым, в тон стоящим на столике цветам вином.

– Служил я там, Юленька, несколько лет служил. Я ведь, кажется, говорил, что я бывший офицер, а ныне – военный пенсионер. – За ваше здоровье и за то, что вы осчастливили своим присутствием мое скромное жилище! – поднял бокал Анатолий Борисович.

Юля отпила несколько глотков. Полусладкое вино мягко и ласково обволакивало нёбо. Юля почувствовала вкус спелого винограда и свежесть безмятежного утреннего моря.

– А я думала, что вы бизнесмен, – сказала Юля, грея в ладошках бокал и слушая, как виноградное тепло расходится по телу.

– Да какой там бизнес! – махнул рукой Анатолий Борисович. – Так, мелкая коммерция в подспорье к пенсии. А до пенсии я двадцать семь лет в армии прослужил. И дальше бы, наверное, служил, если б не вся эта свистопляска в стране. Часть нашу расформировали, я по выслуге лет пенсионером стал. Чем заняться – ума не приложу! Везде все рушится, валится. Воровать да торговать оставалось. Воровать, хоть застрели, не смогу – так уж с пленок

воспитан. Пришлось торговать. Вернее в одном месте покупать подешевле, в другом продавать подороже. Раньше это спекуляцией называлось, сейчас – коммерция... Но это молодой красивой девушке, я думаю, совсем не интересно, – спохватился Анатолий Борисович.

– Нет, нет, что вы! Как раз наоборот! – воскликнула Юля и осторожно спросила: – А семья у вас есть?

– Семья... – помрачнел Анатолий Борисович. – Когда-то была и семья. Даже, как мне казалось, неплохая...

– Расскажите! – попросила Юля, дотронувшись до его ладони.

– Да и рассказывать-то особо нечего. Я только-только лейтенантом стал, она пединститут окончила, как мы познакомились. Понравились друг другу, решили пожениться. А потом – служба, гарнизоны. Офицерская жена за мужем, как ниточка за иголкой. Хочешь – не хочешь, а, получается, обе судьбы воедино слиты. Не каждая женщина такую долю вынесет. Работать моей жене приходилось, кем придется, а когда дети пошли, то совсем на домашнее хозяйство переключилась. Там ведь, на дальних точках, не только детсадов, школ-то иной раз в радиусе многих километров не было. Нахлебалась она этой нашей военной романтики – что и говорить! Но сыновей подняла. Двое их у нас было: Боря и Коля.

– Было?

– Да, было. Сейчас один Николай остался. Борис погиб...

– Простите, что я...

– Нет, ничего. Мне и самому невмоготу носить это в себе... Ну так вот. Школу они оканчивали уже здесь. Меня, наконец-то, в большой город перевели. Квартиру дали. Вот эту самую. Ох, как мы тогда все радовались, помню! Раем наша хрущоба казалась. А то ведь до этого всё частные углы да служебное жилье. А теперь у ребятшек своя комната появилась. Каждому письменный стол купили...

Анатолий Борисович сделал паузу, вспоминая, как любовно гладили коричневую полировку столов счастливые сыновья, но, спохватившись, продолжил:

– Сыновья у меня погодки. Боря старший. Разные они у меня были. Боря

– весь на эмоциях, на чувствах. Душа добрая, нараспашку. Со всеми поделитесь, никого не обидит. Совершенно непрактичный. Коля – другой. Тот – больше себе на уме, тот прагматик. Бориса в магазин лучше было не посылать: или сам обсчитается, или его обсчитают, или, того хуже, деньги где-нибудь по дороге потеряет. А то и купит совсем ненужное. Николай все точно рассчитает и купит, да и себе еще выгадает. Недаром в бизнес подался. Но между собой жили дружно. Друг за друга горой...

Анатолий Борисович глубоко вздохнул.

– Боря школу почти на одни пятерки окончил. И в институт легко поступил. Только вот не туда, куда душа лежала. Он-то, по сути, гуманитарий, а пошел в технический вуз. Мать настояла. Была убеждена, что настоящий мужчина обязательно должен быть при технике.

– А военным, как вы, он не хотел стать?

– Нет, к военной службе тяги он никогда не испытывал. И правильно. Тем более что времена пошли аховые, всюду развал, в армии тоже. Человек в форме из защитника Отечества чуть ли не в пугало превратился. А Боря парнишкой был ранимым, остро все воспринимал. Но пошел он все-таки в некотором роде по моим стопам: поступил на факультет авиационной и космической техники. Самый престижный в том его вузе. Два курса отучился. Все нормально. А на третьем как бес в него вселился. Захандрил, учебу запустил. Сессию зимнюю завалил. А потом и откровенно заявил: не хочу здесь учиться, не нравится, не мое это. Жена, конечно, в слезы. Подумай, мол, о будущем: сейчас без диплома ни в одну более-менее приличную контору не сунешься, никакой карьеры не сделаешь, еще и в армию загребут. А он уперся – лучше уж в армию. Так в институт и не вернулся. Хотя была возможность восстановиться. Нет. Пошел на курсы шоферов, потом в автоколонну устроился. Только поработать долго не пришлось. Весна, майский призыв. С институтом расстался, никакой отсрочки нет – призывают и его. Жена в панике. Надо сына выручать, отмазывать...

В памяти Анатолия Борисовича всплыл тот погожий майский день, когда они с женой узнали, что Бориса забирают в армию. «Надо что-то делать, что-то срочно предпринимать!» – взволнованно говорила жена, а Анатолий Борисович искренне недоумевал, почему их сына надо «отмазывать», спасать от армии. Почему он не должен, как другие молодые люди, отдать долг родине? Послужит положенное и вернется. Тело и характер закалит, жизнь более трезво оценивать начнет, да и просто обрести себя армия поможет – рассуждал Анатолий Борисович, вызывая со стороны жены ответную бурю возмущения. «Так может говорить только бесчувственный солдафон, который не любит своих детей! – негодовала она. – Боря не создан для армии, он там, чует мое сердце, пропадет». – «Ну, тот, кто для нее создан, остается в армии навсегда, – возражал Анатолий Борисович. – Остальные просто выполняют положенный воинский долг. И я не понимаю, почему одни его будут выполнять, а другие в это время отсиживаться в кустах?» – «Ты не о других, о сыне своем волнуешься! – не унималась жена. – Он ведь на Кавказе окажется. И головы ему там не сносить. А про долг не надо. Те, кто эти долги выдумал, нам всем гораздо больше должны. Тем более что их-то детки в армии не служат, в «горячих точках» не воюют, не гибнут».

Помнится, они с ней тогда крупно повздорились. Жена обиделась, надулась и, как потом оказалось, в поисках путей спасения сына от армии стала действовать самостоятельно.

–Отмазали? – вернул к реальности голос Юли.

Анатолий Борисович покачал головой. Хотя, подумал он, наверное, могли бы, если бы не его дурацкая принципиальность, не гипертрофированное чувство долга. Жена сумела найти в военкомате нужного человека. Дело оставалось за деньгами. Но их-то как раз и не было. Тогда жена предложила Анатолию Борисовичу срочно продать машину.

Продать машину!.. Самое ценное, не считая квартиры, что в их семье тогда оставалось. К покупке машины Анатолий Борисович готовился не один год,

а когда ее приобрел, то полюбил ее, как собственных детей. Автомобиль стал для него чуть ли не единственной отрадой и отдушиной. Без него Анатолий Борисович себя уже просто не представлял. Впрочем, он мог бы пожертвовать и им, зная, что жертва благая, очистительная. Однако в этом Анатолий Борисович как раз и не был уверен. Ведь речь шла, по сути, об элементарной взятке, а давать ее какому-то потерявшему совесть и честь прохиндею в погонах, Анатолию Борисовичу – офицеру, безупречно и незапятнанно прослужившему в армии четверть века – было не только омерзительно, но и просто невозможно.

– Нет, не отмазали! – нервно потерял край салфетки Анатолий Борисович. – В начале июня его забрали. Попал он в автомобильную часть. Сначала служил в соседней области, а потом, как и чуяла жена моя, их отправили на Кавказ. Месяца три там пробыл. Пару раз весточки от него получали. Писал, что все нормально. Потом ни слуху, ни духу...

– А дальше? – воскликнула Юля, подавшись к Анатолию Борисовичу.

– Дальше? Дальше мне целое следствие пришлось провести, чтобы узнать правду. Только лучше ее было и не знать! – дрогнувшим голосом сказал Анатолий Борисович. – Везли они боеприпасы в одну из частей. Машина Бориса подорвалась на радиоуправляемом фугасе. Разнесло вдребезги. Ничего не осталось ни от машины, ни от солдат в ней. Даже похоронить нечего...

Анатолий Борисович замолчал. Глаза его предательски заблестели. Было видно, что ему тяжело и больно от этих воспоминаний.

Юля сама едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

Но Анатолий Борисович уже взял себя в руки.

– Да вы кушайте, Юленька, кушайте! – засуетился он. – Салатики вот, ветчинку. А я сейчас горячее принесу.

Он поспешил на кухню, а через несколько минут появился с подносом в руках, на котором красовались два расписных керамических горшочка, исходящих обалденным мясным ароматом.

Анатолий Борисович аккуратно со-

ставил на стол горшочки, один подо- двинул Юле.

– Под телятинку давайте выпьем. И – ешьте, ешьте! А то, наверное, отбываю аппетит своей болтовней.

– Нет-нет, мне очень интересно! – поспешила заверить Юля и смутилась, подумав, что интерес к чужому горю под горячее блюдо и вино, может быть, совсем неуместен.

– Ну, тогда я, пожалуй, доведу свой рассказ до конца. В общем, так и не похоронили мы Борю. Где-то бродит его душа неприкаянной. А жена моя стала с тех пор пить. Страшно пить, по черному. Быстро опустилась, из симпатичной моложавой женщины стала на глазах превращаться в старуху. Куда-то пропала временами. Возвращалась мятая, грязная, со спутанными волосами, с полубезумными глазами. А когда трезвела, с ненавистью говорила: «Почему не убили тебя? Чтоб ты сдох под колесами собственной машины!» В гибели сына она винила меня одного. Слушая ее, я и сам начинал верить в то, что так оно и есть. И становилось невыносимо. Смерть брата Николай переживал тоже очень тяжело. Смотрел на меня волком, шарахался, как от прокаженного. Он уже на четвертом курсе в это время учился. В том же самом институте. Только специальность другая. Н-да...

– А как сейчас ваша жена? – осторожно спросила Юля в нехорошем предчувствии.

– Уже никак. Отравилась она. Каким-то суррогатом алкогольным отравилась. Пила всякую дрянь – вот и нашла смерть на дне стакана. Несколько лет как один живу.

– А Николай?

– Ушел. Ни брата, ни мать мне не простил. Сказал, что это я их в могилу свел. Проклял, можно сказать. Даже отомстить обещал.

– Как отомстить?

– Да уж не знаю – как. Может, просто в запальчивости сказал. Но какой у него при этом был взгляд ненавидящий!.. А парнишка он злопамятный. Обид не любит прощать.

– Но в чем вы-то перед ним виноваты?

– В том, наверное, что не продал тогда машину, не нашел денег для взят-

ки. Может быть, следовало послушать жену и переступить через себя. Сына бы сохранил...

– Но тогда и вы сами стали бы другим.

Анатолий Борисович задумчиво вертел вилку.

Юля почувствовала прилив горячей жалости к этому человеку. Ей вдруг вспомнился отец. В тот момент, когда он навсегда уходил из дома. Мать в накале нервного срыва что-то почти бессвязное кричала ему вслед, а он растерянно улыбался, кусая побелевшие губы, и все не решался ступить за порог. «Папа!» – бросилась к нему Юля и повисла на шее, заливаясь слезами. Для нее, четырнадцатилетней тогда девочки, отец был лучшим на свете мужчиной. Она самозабвенно любила его всем своим маленьким сердцем, как могут это делать только дети, и страшно боялась потерять. Отец ушел, а боль разлуки и жалость к отцу потом долго еще не давала Юле покоя. Со временем боль и жалость поутихли. А теперь словно бы вновь возвратились из ее детства. И Юля вдруг поняла, кого, кроме советского киноактера Олега Стриженова, напоминал ей с первых дней их знакомства Анатолий Борисович. Ее отца! И неудержимо захотелось, как тогда к отцу, броситься этому человеку на шею.

Порывисто вскочив, Юля в одно мгновение оказалась за спиной Анатолия Борисовича, обняла за плечи и прижалась к спине, ощущая, как исходит от него уютное домашнее тепло. Анатолий Борисович благодарно погладил Юлину руку и приложился к ней губами. Девушка обняла его еще крепче...

7

– Я буду скучать без тебя. Очень скучать, – сказал Анатолий Борисович при расставании в тот вечер, впервые обращаясь к ней на «ты», и попросил: – Пожалуйста, приходи ко мне еще, обязательно приходи!.. – Он слегка запнулся. – Если, конечно, захочешь. – И горячо добавил: – Я всегда тебе буду рад!

Ночью Юля долго не могла уснуть, продолжая чуть ли не каждой клеточкой своего существа ощущать исходящее от Анатолия Борисовича тепло,

чувствующая его любовные токи. Лишенная с уходом из семьи отца ласки и любви, она сейчас словно бы вновь обретала некогда ею утерянное.

Уснуть Юля смогла только под утро, но пробудилась на удивление свежая, бодрая, в прекрасном расположении духа.

И тут зазвонил мобильник.

– Да! – поднесла Юля трубку к уху.

Это был Николай.

– Ну, как дела? – поинтересовался он.

Прекрасное настроение ее сразу же улетучилось. Будто невесть откуда взявшаяся черная туча вдруг закрыла солнце, сделав радостно сияющее утро мрачным и унылым. Голос Николая вернул ее на грешную землю, отрезвил, заставил вспомнить о той неприглядной роли, какую уготовил он ей, а она согласилась.

– Юля, ты слышишь меня? – спросил Николай, не получив ответа.

– Да, да... – спохватилась Юля. – Что-то с телефоном... Теперь слышу.

– Как, говорю, наши дела подвигаются?

– Да вроде ничего, – отозвалась Юля. – Вчера ужинала с ним... И уточнила: – У него дома. Приглашал еще. Вот...

– Значит, заглотнул наживку! Это хорошо. Давай-ка зайди ко мне сегодня вечером, поболтаем, обмозгуем дальнейшие действия. Жду. Пока!

На лекциях Юля сидела сама не своя. Красивая сказка закончилась, не успев толком и начаться. А ей придется теперь отбывать предложенный номер, играть роль в чужом спектакле... Роль злодейки? Или, наоборот, героини, спасающей мир от злодея?

После вчерашнего визита к Анатолию Борисовичу Юле уже не очень-то верилось в ту жуть, что рассказывал о нем Николай.

Вечером Юля пришла к Николаю.

– Ну, как идет совращение злобного старца? – весело спрашивал он за чаем.

От этого тона Юлю покорило, однако она не подала вида, но возразила как можно равнодушнее:

– Да никакой он не злобный. Нормальный старикан. Вежливый, обходительный.

– Ну, это он может. С ласковой улыбкой прищепит – и глазом не моргнет!

Юля невольно передернула плечами.

Заметив ее реакцию, Николай успокаивающе приобнял девушку за плечи:

– Ну, тебе-то бояться пока нечего. До девок молодых он падок. А то, что Анатолий Борисович стал к тебе неровно дышать, – замечательно! Но, еще раз тебе говорю: надо развивать успех. И как можно быстрее. Раскошегарь старика, чтоб совсем голову потерял, поживи с ним, – наставлял Николай. – И действуй, действуй!.. – Николай ушел в другую комнату, через минуту вернулся с белой пластиковой аптечной баночкой. – Вот, – протянул он ее Юле. – Подсыпай в чай или кофе по чуть-чуть – не больше четверти чайной ложечки, и старикан будет тихо загибаться. – Николай глумливо хохотнул: – Так сказать, смерть в рассрочку.

Юля открыла баночку. Ничем не примечательный желтоватый порошок... Снова закрутила крышку. Положила баночку к себе в сумочку.

– Только аккуратнее, – сказал Николай. – И осторожнее. Чтоб не заметил. Да, и еще вот... – Он запустил руку во внутренний карман куртки, достал портмоне, отсчитал с десяток рыхих пяти тысячных купюр, протянул Юле: – Небольшой задаточек. Чтоб не так скучно было, – хмыкнул Николай.

– Мог бы и побольше отслонявить, – сделала недовольную мину Юля.

– Остальное получишь, когда дело сделаешь, – сказал Николай.

– Ладно, я пойду, – поднялась Юля.

– Куда ты, на ночь глядя? Оставайся, – попытался удержать ее Николай.

– Готовиться к выполнению задания, – с кривой ухмылкой сказала Юля.

– Утро вечера мудренее. Выспимся, а уж утром, со свежими силами... – продолжал уговаривать Николай.

– Я на двух стульях сидеть не умею, – жестко отрезала Юля, и Николай отступился.

– Ладно, – согласился он, – после завтра.

– Там видно будет... – неопределенно отозвалась Юля, выходя за порог его квартиры.

Несколько последующих дней Юля провела в суете и беготне, пытаясь хотя бы частично решить накопившиеся проблемы. А ночи проводила снова практически без сна. Только на сей раз бессонница была тяжелой и мучительной. В полудреме Юля видела рядом Анатолия Борисовича, слышала его мягкий баритон, и в сознании ее никак не укладывалось, что этот очень обаятельный, душевный и нежный, как она успела почувствовать, человек может оказаться жестоким преступником. На свете все, наверное, бывает, но это ж каким надо быть мастером перевоплощения, чтобы вести такую невообразимую двойную игру!

А вот игры-то, как раз, Юля за время их общения и не почувствовала. Вполне естественен был с ней Анатолий Борисович: не рисовался, стараясь понравиться, не бравировал, например, своим военным прошлым, хотя другой на его месте, наверное, столько бы тут напел – не переслушаешь. Напротив, говорил о себе всегда скупно и сдержанно.

«Может, потому и сдержанно, что боялся лишнего сболтнуть, потому что «оборотень»?..» – холодела от догадки Юля, но тут же и гнала ее от себя. Женское чутье решительно не принимало эту мысль. А чутью своему Юля доверяла. Да и то, что узнала она о семейной трагедии Анатолия Борисовича от него самого, совершенно не совпадало с версией Николая.

Но если Анатолий Борисович никакой не злодей, то почему тогда такой лютой ненавистью пылает к нему Николай, зачем, из каких побуждений вынес смертельный приговор? Мутная какая-то история. Что-то здесь было не так...

За прояснением ситуации следовало бы, вероятно, к Николаю и обратиться. Но то же чутье Юле подсказывало этого пока не делать. С одной стороны, вряд ли станет он что-то сейчас прояснять, скорей будет стоять на своем, а с другой – Юле хотелось не с чужих слов, а самой для себя во всем разобраться, убедиться окончательно, что за человек Анатолий Борисович. Поэтому решила пока с выводами не спешить, присмотреться, а для этого воспользоваться

приглашением Анатолия Борисовича и, может быть, даже пожить у вызывал у Юли искреннюю симпатию. Да, но ведь не просто пожить, говорил, вспомнила Юля, а «начать действовать». То есть травить Анатолия Борисовича, подсыпать в пищу яд, который должен свести его постепенно в могилу.

«Смерть в рассрочку», – вспомнила Юля, и ей стало тошно. Какая же она идиотка! Согласилась на душегубство, даже еще ничего не ведая о человеке. Ведь то, что Николай наговорил ей про Анатолия Борисовича, пока лишь слова, ничем не подтвержденные. Зато сама она видела и ощущала в нем совсем другого человека, и он вызывал у Юли искреннюю симпатию. А уж об исходивших от Анатолия Борисовича флюидах любви, которые улавливала она всем существом своим, и говорить не приходилось. И вот теперь, когда пробежала между ними искорка, ей предстояло стать орудием убийства в чужих руках, не зная ни цели истинной, ни мотивов. Да, но ради чего она сама-то согласилась на это? Ради нескольких тысяч «зеленых»?..

При воспоминании о деньгах у Юли заныло сердце. «Так, может, отказаться, пока не поздно и от них, и от всего этого? – подумала она и тут же сама себя одернула: – Ага, отказаться... Не надо было аванс брать. А то, как голодная рыба наживку, заглотнула эти грязные деньги, а теперь вот попробуй с крючка сорваться!.. Так вернуть – и все дела! Вернуть... – тяжело вздохнула Юля. – Было бы что возвращать. Нет уже тех денежек – растрачены! Часть за учебу отдала, остальные на покупки разошлись...» И еще сильнее заломило в груди.

9

Юля готова была хоть сейчас перебраться к Анатолию Борисовичу, но не знала, как это лучше обставить, чтоб не показаться подозрительно навязчивой. Все, однако, неожиданно решилось самим собой. Хозяйка квартиры, где жили они с Ленкой, придя получить деньги за минувший месяц, прямо с порога заявила, что у нее через несколько дней женится сын и переедет сюда жить с

молодой женой, а им, разумеется, квартиру придется освободить.

Это известие подруг крайне обескуражило. Впрочем, Ленка горевала недолго. У нее в городе было немало родственников и знакомых. Она и квартиру могла бы не снимать – просто ей хотелось быть независимой. Но – раз такие обстоятельства – она найдет себе приют.

– Перебьюсь, – беспечно сказала Ленка, но тут же озабочено спросила: – А ты как?

– Не волнуйся, придумаю что-нибудь, – успокоила ее Юля и тотчас же подумала об Анатолии Борисовиче: он был теперь единственной ее надеждой и пристанищем.

Теоретически, правда, оставался еще и Николай. Но сожительствовать с ним Юле совсем не хотелось. С момента последнего разговора он стал вызывать в ней нарастающую неприязнь. Во всяком случае, Юля все отчетливее начинала понимать, что в постель с Николаем она больше не ляжет.

Да, но как ей снова очутиться в уютной квартирке Анатолия Борисовича? И отнюдь не в качестве девушки по вызову.

Однако и тут все вышло самым естественным образом. Анатолий Борисович после занятий, когда Юля сидела в университетском скверике в размышлении, как ей дальше жить и куда податься, сам позвонил и поинтересовался ее делами. Насколько возможно бодро Юля ответила, что все нормально, но сразу же почувствовала, что он ей не поверил. Анатолий Борисович и в самом деле через короткую паузу спросил:

– Юлечка, у тебя что-то случилось?

– Хозяйка в квартире отказала, – тут же призналась она и, не сдержавшись, всхлипнула.

А вечером Юля перенесла свой нехитрый скарб, уместившийся в одном чемоданчике, к Анатолию Борисовичу. Не скрывая своей радости, он хлопотал вокруг нее, приговаривая:

– Все хорошо, Юленька, все ладненько. Жилплощадь у меня небольшая, но нам двоим, думаю, места хватит, проживем – в тесноте, да не в обиде.

— А сколько... — сказала Юля, наме-
реваясь спросить о величине квартпла-
ты, но, вспомнив, что пришла сюда не
по объявлению жиле снимать, смеша-
лась и замолчала.

— Что ты, что ты! — замахал на нее
руками Анатолий Борисович, все верно
поняв. — Какие деньги? Ты — моя до-
рогая гостя, а с гостей денег не берут.
Живи на здоровье, сколько хочешь!..

И стали они жить под одной кры-
шей. Если бы Юлю спросили, как мож-
но называть это их совместное суще-
ствование — она, наверное, не нашла б,
что ответить. И в самом деле. Кем они
были? Любownikами? Сожителями?

Едва ли. По той хотя бы причине, что
в постель вместе не ложились и спали в
разных комнатах. Анатолий Борисович
никаких поползновений склонить ее к
сексу не делал, хотя Юля чувствовала,
что он был бы счастлив, случись такое.
А она, в свою очередь, и отказывать ему
не стала б. И не потому, что это пред-
усматривал «сценарий» Николая. Про-
сто Анатолий Борисович нравился ей
все больше, и все ближе Юле хотелось
с ним быть. Но он держал себя в руках
и ничего лишнего себе не позволял. Вот
такими, наверное, думала Юля, наблю-
дая за Анатолием Борисовичем, и долж-
ны быть истинные джентльмены: чест-
ными и щепетильными в отношениях,
уважающими человеческое (женское, в
первую очередь) достоинство. Хотя, по-
нимала, что существует, видимо, и куда
более прозаическая причина его сдер-
жанности: он просто боится ее. Ну, не
ее самое, конечно, а ее молодости, ко-
торая кажется ему непреодолимым пре-
пятствием. Оно и в правду: почти соро-
калетняя разница в возрасте — не шутка.

Впрочем, Юля и не ждала от Ана-
толия Борисовича никаких решитель-
ных шагов. Пусть все зреет само собой.
Если есть чему. А пока Юле было про-
сто хорошо у этого человека, к которо-
му она привязывалась все сильнее.

Когда они сходились вечерами вме-
сте после дневных своих дел, начина-
лись долгие, иногда за полночь разго-
воры.

О чем они говорили? Да о чем угод-
но! О политике, текущих событиях, о
книгах, театре, культурных событиях,
моде... Юле казалось, что нет темы,

которую бы Анатолий Борисович не
смог бы поддержать, в любой чувство-
вал себя свободно и уверенно. И она
все больше поражалась его разносто-
ронней эрудиции. При этом Анатолий
Борисович не давил своим многознани-
ем и кругозором, умел слушать не хуже,
чем говорить, а оттого общаться с ним
было особенно легко и приятно.

10

И все бы замечательно, если б не
Николай. Он звонил ей и требовал от-
чета. А Юля не знала, что ему сказать.
Сначала врала, что Анатолий Борисо-
вич якобы уехал в командировку.

— Командировку? — удивился Нико-
лай и тут же спохватился: — А, ну да...
Он же у нас под предпринимателя «ко-
сит». Наверное, за очередной партией
«дури» отправился.

От Юлиного внимания это не
ускользнуло, но виду она не подала.

— И когда вернется? — спросил Ни-
колай.

— А он мне не докладывает. Я ж не
жена ему, — с невольным раздражением
ответила Юля.

На время Николай оставил ее в по-
кое. Но где-то через неделю в квартире
Анатолия Борисовича раздался теле-
фонный звонок. Они с Юлей только что
сели ужинать.

— Кто бы это? — пожал плечами Ана-
толий Борисович и пошел в коридор
к стоявшему на тумбочке городскому
телефону.

— Ало, ало! Ало, говорите же!.. — до-
носился оттуда его голос.

В открытую дверь кухни Юля виде-
ла, как он недоуменно покрутил перед
собой трубку и опустил ее на рычаги.

— Звонит кто-то, а не откликается, —
сообщил он.

— Может, ошиблись? — предположи-
ла Юля.

— Скорее всего, — согласился Анато-
лий Борисович. — Мне сейчас по город-
скому телефону очень редко кто звонит.
В основном по сотовому.

А Юля поняла, что это — Николай.

И полчаса спустя, как бы в под-
тверждение ее догадки, Юля услышала
его голос в трубке своего мобильного:

— Вернулся твой разлюбезный.

– А ты откуда знаешь?

– Разведка донесла! – хохотнул Николай. И уже серьезно: – Так что – работай!..

Дня через три Николай снова вызволил ее.

– Ну, как? – спросил.

– Не получается, – сказала Юля.

– Что не получается?

– Порошок незаметно подсыпать. Я все время у него на глазах. Такое ощущение, что пасет он меня: ходит за мной, как приклеенный, не оставляет одну, – стала жаловаться Юля.

– Так придумай что-нибудь, – повысил голос Николай. – Ну, там, кофе ему утром в постель. Пока кофе готовишь, сто раз можно подсыпать.

– Кофе в постель... – в замешательстве повторила Юля.

– Ну, да. К примеру... – сказал Николай и тут же догадливо спросил; – А ты что – в постель его еще не затащила?

– Нет, – призналась Юля.

– Да что ж ты за «прости господи» такая, если, молодая и смазливая, старика не можешь с собой уложить? – взъерился Николай.

– Ты базар-то фильтруй! – обиделась Юля. – Тем более что Анатолий Борисович меня за «прости господи» вовсе не держит. Он ко мне, как к порядочной девушке относится. А если я, прикинь, на него сразу вешаться начну, то могу ведь и дело завалить. Тогда уж действительно за проститутку, кем-то ему подосланную, – сказала она со значением, – и примет. Так что лучше, как мудрость гласит, поспешать медленно.

Несколько секунд трубка молчала. Видимо, ее владелец, усмысливал услышанное. Потом Николай уже более миролюбивым тоном поинтересовался:

– Чем же вы тогда там с ним занимаетесь?

– Мало ли чем... Он мужик интересный.

– Ладно, давай и правда без спешки, – согласился Николай. – Только сильно тоже не затягивай. И не заигрывайся.

Юля и сама понимала, что «заигрываться» опасно. Не может же она бесконечно оттягивать исполнение «приговора». Сколь веревочка ни вейся... Но и исполнить его – чем дальше, тем

яснее Юле становилось – она не в силах. С каждым прожитым с Анатолием Борисовичем под одной крышей днем крепла у Юли вера в то, что не может он быть преступником и злодеем, и все рассказываемые про него страшилки – скорее всего заведомая сознательная ложь и напраслина, необходимая в каких-то неясных пока для нее, но явно сомнительных целях, самому Николаю.

Юля лихорадочно искала выход из создавшегося положения и ничего не могла придумать такого, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Только все чаще леденил сердце страх: как бы ей самой не скормил Николай смертельный порошок, узнав, что она специально тянет резину.

А может, возникла мысль, рассказать все честно Анатолию Борисовичу? И как это, тут же спрашивала себя Юля, будет выглядеть? Раскаявшийся наемный убийца, в слезах и соплях предупреждает жертву, у которой к нему нежные чувства, о грозящей смертельной опасности и на коленях молит простить? Но признаваться в том, что она и возникла в один прекрасный момент в жизни Анатолия Борисовича именно затем, чтобы жизни его и лишить, Юле как раз совершенно не хотелось. Узнав правду, Анатолий Борисович справедливо увидит в ней подлую и коварную змею, которую пригрел на груди своей, и она немедленно рухнет в его глазах с заоблачной высоты, на какую он успел ее вознести, в ту грязь, где барахталась до встречи с ним. И это было для Юли куда страшней и невыносимей, нежели страх расплаты от мстительной руки Николая. А в том, что, если она вдруг захочет остаться не при делах, Николай постарается жестоко отомстить ей, Юля уже почти не сомневалась. Вот и чувствовала себя между молотом и наковальней.

Была еще мысль заявить в полицию. Но и тут возникали угрозы для нее самой. Во-первых, она пойдет как соучастница и сама сядет. Но это как раз пугало Юлю меньше. А вот Анатолий Борисович... Его вызовут на допрос, и он все о ней узнает, какая она гадина и сволочь...

Наконец, пометавшись, Юля реши-

ла: пусть Николай думает, что «процесс пошел». И когда тот, явно нервничая, очередной раз стал допытываться у нее, что да как, Юля как можно бодрей сказала:

– Расслабься, лед тронулся!

– Да ты что! – обрадовался Николай.

– Молодец, хвалю! – И озабочено спросил: – Ничего не заметил, все чисто?

– Да вроде...

– Замечательно! Продолжай в том же духе. Только будь осторожна.

– А долго продолжать-то? – спросила Юля уже без прежней бодрости. – Сколько дней я это делать должна?

– Ну... точно не знаю... – неуверенно сказал Николай. – Тут еще от организма зависит. У твоего клиента здоровье лошадиное. Тоже надо учитывать. Недельки две-три, наверное, придется повозиться. В общем, следи за его самочувствием...

Значит, и ей самой отпущено не намного больше – невесело подумала Юля.

11

– Анатолий Борисович, а вы в Таджикистане служили? – отважилась как-то спросить Юля.

– В Таджикистане? – переспросил он. – Нет, в самом Таджикистане не служил. А вот по соседству – да. За речкой Пяндж. В Афганистане. В составе, как тогда это официально называлось, ограниченного контингента советских войск. Как летчик военный выполнял боевые задания. На МИГ-21. Прекрасный самолетик! Прямо-таки братом мне стал. Н-да... Но это давно уже было – в 85 и 86 году я в Афгане воевал. Совсем молодой еще, недавно из училища. А почему ты спросила?

– Да так, интересно... – смутилась Юля, а про себя подумала: «Врет все Николай. Мозги пудрит. Сказки про мафиози лепит, чтобы, наверное, благородным мстителем показаться».

И ей стало легче. Словно очистилось от мути, грязи стекло, и промытой, в четких, ясных и таких, какие они есть на самом деле, подробностях, увиделась Юле картина за окном.

Оставалось, правда, на этой кар-

тине одно непроященное место. Если Анатолий Борисович совсем не такой, каким его пытается представить Николай, то за что, все-таки, ему хочет он на самом деле так жестоко отомстить? Но ответа пока не находилось.

А обычно сдержанный в своих воспоминаниях, Анатолий Борисович в тот вечер много рассказывал об афганской войне, своей авиачасти, боевых товарищах. Он говорил, а Юля чувствовала, как дорога ему эта часть его жизни.

– У вас, наверное, и награды есть? – спросила Юля.

Анатолий Борисович помолчал несколько мгновений, будто что-то решая для себя, потом поднялся, прошел в другую комнату и вскоре вернулся с двумя коробочками.

– Вот, – сказал он, открывая их. В одной поблескивал темной рубиновой эмалью орден Красной Звезды, в другой – серебристым металлом медаль «За отвагу». – Есть еще всякие там памятные и юбилейные, но они не в счет...

Анатолий Борисович трепетно погладил награды, а Юля глядела на него и думала, что вот он настоящий, непридуманный герой, которым надо гордиться.

И тут же словно шилом ее прокололо: а чем будет гордиться она – тем, что по чьему-то мстительному хотению лишит жизни этого человека?..

Анатолий Борисович, между тем, видела Юля, что-то хотел и не решался ей сказать. Уж не догадывается ли, с какой целью она здесь, испугалась поначалу девушка, но тут же и отогнала свой страх – в его взгляде ничего другого, кроме любви к ней, не читалось. И от предчувствия у нее сладко заняло сердце.

Предчувствие не обмануло. Уже на следующий день Анатолий Борисович встретил ее на пороге своей квартиры необычно торжественный, в добротном, с иголки, выходном костюме, который, судя по всему, надевался им в самые важные и торжественные моменты, как и красивый галстук, стягивающий ворот белоснежной сорочки. В его начищенные штилеты можно было

смотреться, как в зеркало. Да и сам он весь сиял, благоухал хорошим одеколоном. Таким Юля его еще не видела и не смогла скрыть искреннего удивленного восхищения.

– Ух, какой вы сегодня! Прямо-таки жених!

Анатолий Борисович смешался, покраснел. Покрутив шей, словно воротник мешал ему свободно дышать, откашлялся и сказал со значением:

– Может быть, так оно и есть, Юлечка. – И, дождавшись, пока она разделется, переобуется, бережно взял ее под локоть и проводил в залу. Она шла и чувствовала, как от волнения подрагивает его рука.

А в зале, в центре овального стола в хрустальной вазе красовался роскошный букет гладиолусов.

– Какие красивые! – показала их Юля и спросила: – По какому поводу такое роскошество?

– По очень важному, Юля, – ответил Анатолий Борисович, кашлянул в кулак и уточнил: – Во всяком случае, для меня... – Он сделал паузу, словно собирал силы преодолеть невидимый барьер, потом с какой-то отчаянной решимостью, будто в крутое пике бросил свой истребитель, сбивчиво и взволнованно заговорил:

– Юлечка, я люблю тебя... Я влюбился в тебя сразу, как только увидел в первый раз в «Зеленом попугае». Ты появилась и будто теплое солнышко подвальчик этот осветило. А я подумал, что, наверное, само небо знакомит меня с тобой. Я, конечно, понимаю, что между нами пропасть лет и мы – альянс неравный, что я просто недостоин тебя и все такое. Но ничего не могу с собой поделать и без тебя жизни уже не представляю... Вижу – не слепой, что мне трудно всерьез на что-то рассчитывать, но все равно... Теплится все равно надежда, что и мне на склоне жизни, как говорил поэт, «блеснет любовь улыбкою прощальной»... – Анатолий Борисович глубоко вдохнул и сказал внезапно севшим голосом: – Юлечка, выходи за меня замуж! А уж я постараюсь сделать все возможное и невозможное, чтобы ты об этом не пожалела...

Он выхватил из вазы гладиолусы и

протянул их Юле. От неожиданности она чуть не выронила букет.

К этому признанию Юля была внутренне готова, подспудно ждала его, но прозвучавшее предложение все равно застало ее врасплох, подняв в душе вихрь противоречивых чувств.

И как сейчас поступить – она не знала. По той, прежде всего, причине, что между ними – прав совершенно Анатолий Борисович – «пропасть лет». И эту дистанцию не сократишь, не преодолешь. Она жить только начинает, а он... А что он? Юля искоса глянула на Анатолия Борисовича. Склонив голову, он покорно ждал ее ответа. Вон какой еще мужчина! И со здоровьем, и с образом жизни все у него в порядке. На зависть многим ее ровесникам...

И снова некстати вспомнился Николай. И подумалось Юле, как бы, ему благодаря, жизнь эту вместе с Анатолием Борисовичем и не закончить... Прожить долго и счастливо они не успеют, но помереть в один день могут...

Как назойливую кусучую осу, отмахнула Юля от себя эту мысль. Она исчезла в темной глубине сознания, но девушка знала, что не насовсем, и в какой-то момент снова вынырнет и продолжит зудеть, не давая покоя.

Но что же ему сейчас ответить – мучилась Юля. Ответить согласием? Но готова ли она на серьезную совместную жизнь, если сама еще такая молодая, настоящей любви не испытывавшая, если не выбродило еще в ней до конца женское естество. Так, может быть, Анатолий Борисович и есть ее любовь и судьба? Нет, не грезилось ей о такой любви и судьбе. Так ведь и девочкой по вызову она себя во снах своих не видела!..

– Анатолий Борисович... – Юля положила ему ладонь на грудь. – Простите меня, но я, честно, не знаю, что вам ответить. Так это неожиданно для меня. Дайте хоть немного подумать.

– Конечно, Юлечка, конечно. Дело серьезное... – забормотал Анатолий Борисович, прижимая ее ладонь.

И опять почти всю ночь проворочалась Юля без сна. Вопрос был поставлен, а она не могла на него ответить. И не с кем посоветоваться. Ленка правды об их связи не знала и считала Анатолия Борисовича всего лишь одним из

Юлиных клиентов – папиком, решившим вспомнить молодость. Кого-то другого, кому она могла доверять сердечные тайны, у Юли не было.

А когда под утро впала она в сонное забытье, явился отец и, присев на краешек кровати, погладил ее по голове шершавой ладонью. От нее исходили такие же тепло и любовь, какие ощущала Юля, находясь рядом с Анатолием Борисовичем.

– Папа? – беззвучно прошептала она. – Что делать? Он же намного-намного старше!

Отец не удивился, словно заранее знал, о чем речь. Он еще раз провел ладонью по ее волосам и сказал:

– Возраст любви не помеха. Была бы, главное, любовь...

И исчез. Словно и не сидел тут только что, с краюшку.

Утром, проснувшись, Юля Анатолия Борисовича дома уже не застала. Возникло ощущение, что он специально ушел пораньше. Обиделся за вчерашнее? Напрасно, ведь она пока не сказала ни да, ни нет.

Зато с утра пораньше дал знать о себе телефонным звонком Николай.

– Ну, как там наш больной? – без лишних вступлений деловито спросил он.

– Жив пока, – хмуро отозвалась Юля.

– А самочувствие?

– Говорит – не очень. Жалуется, что голова стала болеть, и подташнивает, сдерживая себя от закипавшей злости, врала Юля.

– Это хорошо, – удовлетворенно констатировал Николай. – Скоро, глядишь, цепная реакция пойдет: то там заболит, то сям...

«Вот, гад, радуется, что человек может помереть мучительной смертью!» – возмутилась про себя Юля, но промолчала.

– Ладно, старушка, продолжай в том же духе! – напутствовал на прощанье Николай.

Как ни странно, разговор с ним взбудрил ее, отменил последние сомнения и придал... решимости. В самом деле, чего она ломается? Ну, старше, ну, намного, но он же любит ее, и на руках будет носить. Любит ли она? Юля за-

думалась. А как это определить? Она никогда еще по-настоящему не влюблялась, и ей просто не с чем сравнивать. Но он ей глубоко симпатичен – это точно! И ей хорошо рядом с ним. Так что же еще тогда надо? Она с облегчением тряхнула головой и помчалась на лекции.

12

День для Юли тянулся бесконечно. Отсидев, как на иголках, три пары, она еще с полчаса рассеянно слушала в коридоре университета Ленкину болтовню обо всем и ни о чем, теряясь в догадках, когда вернется домой Анатолий Борисович. Обычно он предупреждал при расставании, во сколько примерно будет. Но сегодня утром они разминулись, не успев ничего сказать друг другу.

Кое-как отвязавшись от Ленки, Юля зашла на обратном пути в магазин, купила торт, фрукты и бутылку вина. «А то все он да он, – укорила она себя. – Давно пора и самой проставиться».

Анатолий Борисович, к счастью, еще не вернулся. Можно было утихомирить колотившееся то ли от быстрой ходьбы, то ли от волнения сердце, привести себя в порядок.

Долго этим Юле заниматься не пришлось. До морщин ей было далеко, Свежая еще молодая кожа в особом уходе не нуждалась. Да и вообще косметикой Юля не увлекалась. Чуть подкрасила губы – и все. Хорошо бы, конечно, по такому случаю еще и переодеться во что-нибудь более приличнее. Но Юля по природе своей не была тряпичницей, не следила за модой. В повседневной обыденности ее вполне устраивали джинсики с футболкой, легкой кофточкой или свитерочком. А каких-то особенных событий или праздников в ее жизни не было. Студенческие вечеринки – не в счет. Тем более что там тех же джинсиков с футболкой вполне хватало.

Однако, получив от Николая аванс, Юля все же решила прибахаться. Они полдня проторчали с Ленкой в магазинах, и купили ей шикарное, как ей показалось (а, по мнению Ленки – так, ничего себе) платье, прекрасное (по Ленкиной же классификации – по край-

ней мере, не стыдно перед мужчиной раздеться) белье, сногосшибательные (вполне для приличного общества сносные – Ленка) туфли и сапоги и еще кое-что по мелочи. Теперь все это богатство лежало в ее чемодане. Все хотела по-красоваться перед Анатолием Борисовичем, но сдерживала себя – боялась, спросит, откуда у бедной студентки все это добро. И что она ему ответит? Зато сейчас ему не до расспросов будет.

Переодевшись во все новое, Юля встала перед зеркалом трюмо и себя не узнала. Оттуда, из зазеркалья на нее смотрела очень симпатичная молодая дама в элегантном бирюзовом с легкой искрой платье. В его вырезе нескромно терлись друг о дружку при каждом движении две тронутые легким загаром выпуклости. «Стопудово сексуально!» – сказала бы Ленка, и Юля была с ней согласна.

В таком виде она и навстречу Анатолию Борисовичу вышла, когда услышала, как шелкнул дверной замок.

Увидев преображенную Юлю, Анатолий Борисович потерял дар речи. Минуту-другую он остолбенело стоял у двери, с молчаливым восхищением оглядывая ее, потом шагнул навстречу со словами:

– Какая же ты сегодня красивая!

А увидев рядом с его букетом в центре стола вино, фрукты и торт Анатолий Борисович и вовсе растерялся.

– Неужели у тебя сегодня день рождения? – спросил и всплеснул руками: – Да что же не предупредила-то? Я бы... подарок...

– День рождения у нас, наверное, сегодня у обоих будет, – прервала его Юля. – Если, конечно... – она запнулась, справляясь с волнением, и закончила: – Ваше недавнее предложение остается в силе.

– Мое предложение... Ты согласна?..

Юля молча кивнула.

– Юлечка!..

Анатолий Борисович привлек к груди.

Эту ночь они провели вместе. И это была сказочная ночь! Такого глубокого удовлетворения и светлой радости Юля не испытывала никогда. Ложась с Анатолием Борисовичем в постель, она, конечно же, боялась, как все прой-

дет, получится ли у них что-нибудь. И это поначалу сковывало ее и напрягало. Анатолий Борисович тоже чувствовал это. Он осторожно просунул ей руку под шею, слегка притянул к себе, чуть повернувшись, легонько коснулся губами Юриной щеки и тихо сказал:

– Давай просто пока полежим, успокоимся, хорошо?

В ответ Юля плотнее придвинулась к Анатолию Борисовичу. Голова ее теперь покоилась на его плече. Они застывали. Юля слышала, как пульсирует кровь в висках и учащенно бьется о грудную клетку сердце. Но уже через минуту кровь отхлынула от висков, и сердце стало входить в нормальный ритм. В то же время, все явственней ощущала Юля, как пронизывают ее идущие от плеча Анатолия Борисовича токи. Они одновременно и успокаивали, и освобождали от скованности и зажатости, и заряжали какой-то особенной, неодолимо влекущей ее к этому человеку энергией. Юля повернулась к Анатолию Борисовичу и...

Что было дальше, осталось как бы вне памяти. Просто казалось Юле, что их слившимися воедино в объятиях друг друга телами играет волна штормящего моря, которая то вздымает все выше и выше, то швыряет с пенного гребня вниз, заставляя замирать в сладком испуге. Все круче становилась волна, все чаще и яростней ее всплески...

Приходить в себя и возвращаться в реальность Юля начала, когда ее тело начали терзать судороги сильнейшего оргазма. Словно там, в морской пучине задела она ненароком электрического ската, который разряжал теперь в нее накопленную им морскую энергию.

Обессилевшие, беззвучно лежали они с вытянутыми по швам руками. Юля не знала, о чем молчал Анатолий Борисович. Она же размышляла о том, какая, все-таки, огромная разница между тем, когда делается это по необходимости, и тем, когда все происходит по обоюдному чувству и желанию. Совсем другое дело! Тело и душа освобождаются от всего, что мешает любви, чувства рвутся в головокружительный полет, а мужчина и женщина в вожденном любовном экстазе растворяются друг

в друге. «Потому, наверное, подумала Юля, это и называется соитие.

И вспомнила, как принесла однажды Ленка купленную на книжной толкучке «Камасутру», и как рассматривали они картинки с различными позами и читали их описания. Но в памяти Юли они как-то не задержались. Зато хорошо запомнилось ей, как объясняла знаменитая книга значение слова соитие. По «Камасутре» это «вершина и цель любви, объединяющие наслаждение души, разума и тела». И то, что произошло между ними несколько минут назад, утверждение древнеиндийских мудрецов прекрасно подтверждало. Как и то, что никакого соития до сих пор ни с кем у нее, Юли Сотниковой, не было. А что и случалось время от времени, имело другое название – более низменное и животное – совокупление. Отличалось же одно от другого одним важнейшим ключевым моментом – любовью. В совокуплении не то, что «вершиной и целью», она вообще не подразумевалась.

Тогда получается... Юля села, даже забыв натянуть на себя одеяло. Получается – она все-таки любит Анатолия Борисовича?

– Конечно же! – сама неожиданно для себя воскликнула Юля, словно отменяя последнюю шелуху сомнений.

Анатолий Борисович тоже оторвался от подушки, поднялся, удивленно глядя на Юлю. А она обхватила его за плечи и, уткнувшись ему в грудь, радостно прошептала:

– Я вас люблю...

13

На следующее утро Юля встала чуть свет. Спать уже совсем не хотелось. Не включая света, она прошла на кухню, глянула в окно и замерла, замороженная. Крупными густыми хлопьями падал снег. Первый в этом году настоящий снег. Шел он, по всей видимости, давно, может быть, всю ночь. Уже не осталось ни клочка голой земли. Окна квартиры выходили во двор с детской площадкой, несколькими металлическими гаражами, припаркованными у подъездов машинами. Они тоже были укутаны слоем белейшей снежной ваты, который становился с каждой минутой все толще.

Снег искрился под люминесцентными фонарями, освещавшими двор, деляя и детские городушки, и автомобили, и деревья в снежном убранстве чем-то сказочно-волшебным.

Захваченная пейзажем за окном, Юля не слышала, как подошел Анатолий Борисович. Он обнял ее за плечи и восхищенно воскликнул:

– Красота! – Потом, помолчав, сказал: – Вот пусть и наша жизнь с тобой будет такой же светлой, чистой и прекрасной, как этот снег начала зимы...

Весь день жила Юля в окрыленном состоянии. Казалось даже порой, что стоит взмахнуть ей руками – и оторвется она от земли.

– Ты чей-то? – удивлялась, глядя на нее, Ленка.

– Да ничего, все путём, все замечательно! – излучая радостное сияние, – расплывчато отвечала Юля.

Не хотелось ей пока раньше времени подруге во всем признаваться. Спугнуть боялась...

Вернувшись с занятий, Юля приготовила ужин и стала ждать Анатолия Борисовича. Пришел он позже обычного и выглядел не очень.

– Что-то, Юленька, я себя неважно чувствую, – признался он, садясь за стол.

Юля пощупала его лоб. Горячий! Поставила градусник. Тридцать девять с половиной! Перепуганная Юля вызвала «скорую».

– Хрипов в легких нет. Стало быть, не пневмония. Скорее всего – ОРЗ, – предположил приехавший через полчаса врач «скорой» и сказал, сделав укол: – Завтра участкового терапевта вызовите.

«Скорая» уехала. Юля, приподняв Анатолия Борисовича за плечи, с трудом напоила теплым чаем. Его бил озноб. Зубы стучали о кружку, чай расплескивался, оставляя на пододеяльнике рыжие пятна. Вскоре Анатолий Борисович забылся в беспокойном сне. Ночью он что-то бессвязно бормотал, вскрикивал, вскакивал, сбрасывая одеяло. Юля со поправляла одеяло, и слезы сами собой катились по щекам.

Назавтра врач из поликлиники диа-

гноз «скорой» подтвердила. Предупредив, что высокая температура продержится несколько дней и к этому надо быть готовым, она назначила лечение, и Юля помчалась в аптеку.

Купив нужных лекарств, Юля вышла из аптеки. И услышала, как звонит ее мобильник.

– Ало! – поднесла она его к уху и услышала голос Николая:

– Привет, дорогуша! Как поживаешь?

– Ничего... – сухо ответила Юля. Николай был сейчас совершенно некстати.

– А клиент? Созревает?

– Скорее уже созревает. На глазах тает, – неожиданно для себя сказала Юля.

Она не собиралась этого говорить, она вообще не хотела сейчас объясняться с Николаем, но вот как-то само собой с языка сорвалось...

– Так, так, так... С этого места поподробнее.

– А что подробнее? Жар у него. Бредит.

– Слушай, Юля, мне бы хотелось на него взглянуть, – сказал Николай, и Юля от такой вопиющей наглости чуть не задохнулась.

– Ты что, дурак совсем! – закричала она в трубку. – Он же в тяжелом состоянии, не сегодня-завтра, может, Богу душу отдаст, а ты!.. Дай ему помереть спокойно!

– Дам, дам... Но я должен глянуть напоследок на него живого. Надо мне, понимаешь, надо...

– Совсем оборзел! – выходила из себя Юля.

– Давай сделаем так, – пропуская мимо ушей ее негодование, сказал Николай. – Я где-нибудь через часик подъеду...

– Тебе же русским языком говорят...

– В дверь звонить не буду – скину тебе СМС-ку, что я за дверью. Ты откроешь. А я тихонечко войду и погляжу на него. Всего делов-то.

«Проверяет, зараза!» – подумала Юля, но спорить больше не стала. Решила, что, может быть, так и лучше. Увидит больного – на время отвяжется. А там посмотрим...

Ровно через час ее телефон звякнул, сообщая о принятой СМСке. Юля прочитала сообщение: «Я за дверью». И открыла дверь. На пороге стоял Николай. Ни слова не говоря, Юля приложила палец к губам. Николай понимающе кивнул и вслед за нею проследовал к спальне. Дверь ее была приоткрыта. Николай просунул в проем голову и замер в этой позе.

Анатолий Борисович, слава Богу, спал. Заснул он недавно. Стоя за спиной Николая, Юля слышала, как больной тягуче стонет во сне.

Через несколько минут Николай оторвался от созерцания и повернулся к Юле с довольным видом:

– Молодец, старуха! Думаю – недолго протянет, душегуб!

«Сам ты!..» – чуть не вырвалось у Юли, но она вовремя прикусила язык.

– У тебя карточка банковская есть? – вдруг спросил Николай.

– Нет.

– А сберкнижка?

– Сберкнижка есть. А что?

– Неси сюда.

Юля принесла, с грустью думая, что она уже практически пустая.

Николай переписал реквизиты и вернул назад.

– Когда коньки откинёт, немедленно звони мне, и я сразу же перекину на твой счет деньжонки. За вычетом уже полученных, конечно.

– В баксах?

– В рублях. По текущему курсу.

Когда Николай оставил квартиру, Юля на цыпочках подошла к тахте. Анатолий Борисович уже не стонал, но дышал по-прежнему трудно, и заострившееся лицо его время от времени искажали легкие судороги дававшей знать о себе головной боли. Юля положила на покрытый испариной лоб свою ладонь. Температура явно не спадала. Юля присела на стул у изголовья, поправила край одеяла и подумала вдруг, а что если он и правда не одолеет болезни. Не молодой ведь... Но, подумав так, испытала она какое-то двойственное чувство. С одной стороны, жалость и сострадание к находящемуся на грани небытия человеку, а с другой...

Вкрадчивый неприятный голос вну-

три нее сказал: «Вот и решение твоей проблемы. Умрет клиент сам, преступления не будет, ты остаешься не при делах, а Николай будет в уверенности, что он отдал богу душу с твоей помощью и хитроумного яда. Цель достигнута, все довольны. Ты срочно сваливай из квартиры, и забываешь все это, как страшный сон...»

Юля вскочила, едва не свалив стул, испуганно оглянулась, словно собралась увидеть того, кто говорил ей эти слова. Пустая комната за ее спиной немного успокоила, и Юля тихонько прошла на кухню. Она долго сидела, опершись локтями о стол, и услышанные ею там, у изголовья Анатолия Борисовича, слова не выходили из головы.

А может, это сама жизнь подсказывает ей такой выход?.. И делать ничего не нужно. Только ждать. Ждать чего? Смерти человека, который стал ей близок, которого она уже, можно сказать, полюбила? Можно сказать... Да полюбила ли, если хочет выпутаться из своей паутины ценой его смерти, если готова предать, переступить через клятвенное обещание быть с ним... Но ведь правду сказал поэт – «не отрекаются любя...» Иначе это и не любовь вовсе. Иначе и то, что произошло между ними позапрошлой ночью, было все-таки совокуплением, а не соитием – не «вершиной и целью любви»? И он тогда, получается, у нее такой же клиент, как и до него другие?..

«Бог ты мой! – вдруг встрепенулась Юля. – Да что ж за мысли в голову лезут? Гнать их надо поганой метлой! И Анатолия Борисовича не хоронить заранее, а выхаживать, на ноги ставить...»

14

Высокая температура у Анатолия Борисовича продержалась еще несколько дней. Юля почти неотлучно была при нем. Даже на лекции перестала ходить. Одного его она оставляла только при необходимости навеститься в аптеку или магазин.

Наконец, Анатолий Борисович пошел на поправку, и Юля вздохнула с облегчением.

Но Николай не давал ей расслабиться-

ся. Он названивал с одним и тем же вопросом: «Ну, как?»

– Как, как? – закипала каждый раз от злости, слыша его голос, Юля. – Тяжелый, но еще живой. Сам же говорил, что организм у него крепкий. Вот и борется, наверное, со смертью.

– Ничего, никуда он от старухи с козой не денется. Все равно ему кранты. Днем раньше, днем позже. Подождем...

– Ну, жди, жди... – ворчала Юля, отключая телефон.

От этих разговоров щипало в горле, и сердце сжималось от тоски. «Сейчас пойду и все ему расскажу. И будь, что будет!» – вспыхивало в Юлиной голове, но тут же она и остужала сама себя: «А то и будет, что удар его может хватить от такого признания. Тоже мне, нашла подходящий момент. Он еще от болезни не отошел».

Анатолий Борисович, между тем, едва справившись с недугом, снова вернулся к вопросу об их отношениях.

– Юлечка, – говорил он ей, тщательно подбирая слова и держа правую руку за спиной, – Если ты не раздумала связать со мной жизнь, то надо бы, наверное, как-то... оформить... Я понимаю... сейчас люди и без всяких формальностей живут... Но я по-другому воспитан, и хотел бы не просто сожительствовать. Понимаешь?..

Юля молча кивнула и увидела вдруг себя в подвенечном платье и фате с пышным букетом в руках. А рядом с собой – Анатолия Борисовича, подтянутого, моложавого, в темном строгом костюме, в галстук. Они идут под руку к дверям с вывеской ЗАГС... Видение кончилось, а Юля подумала, что свадебное платье и фата – пожалуй, чересчур, слишком уж подчеркивает их разницу в возрасте. Надо что-то попроще, чтоб не так привлекало внимание...

– Тогда вот... – Анатолий Борисович убрал руку из-за спины и протянул Юле небольшую красную пузатенькую коробочку.

С учащенным сердцебиением Юля открыла ее и увидела два золотых колечка разных размеров...

А через несколько дней стараниями Анатолия Борисовича, уговорившего

заведующую ускорить регистрацию, они с Юлей расписались в районном ЗАГСе. Процедура заняла пятнадцать минут, прошла буднично, тихо, без свидетелей с обеих сторон (Юля не предполагала, что и это при желании возможно) и вообще посторонних глаз. Так решили они по обоюдному согласию. От свадебного пиршества тоже отказались. Да и для кого устраивать?

Отец Юлин как в воду канул. А мать она приглашать не собиралась. За время учебы она всего раз побывала дома, но мать встретила ее с таким холодным равнодушием и плохо скрываемым раздражением, что Юля сразу же почувствовала себя отрезанным от семейного каравая ломтем. Впрочем, и каравай-то был теперь для нее уже совсем чужим. И часу не проговорив с матерью, Юля засобиравшись назад. Возвращаясь в город, она домой решила больше не приезжать.

Анатолий Борисович, в свою очередь, тоже был против многолюдного сборища.

– Да и не осталось вокруг меня практически никого, кого бы я хотел на своем празднике видеть, – с грустью признался он.

– А ваш сын? – напомнила Юля.

– Николай? – нахмурился Анатолий Борисович и мотнул головой: – Нет, лучше я его потом когда-нибудь в известность поставлю.

Они спустились с крыльца ЗАГСа.

– А знаешь что? – сказал Анатолий Борисович. – Без банкета с гостями мы, конечно, обойдемся, но вдвоем-то мы все равно должны отметить это знаменательное для нас событие!

– Ага, – согласилась Юля. – В «Зеленом попугае»?

– Почему в «Попугае»?

– А мы там познакомились.

– Верно, – засветился улыбкой Анатолий Борисович. – Ну, тогда в «Зеленый попугай»!..

15

Зимой Анатолий Борисович выгнал свою машину из такого же старого, как она, металлического гаража очень редко, поэтому в ЗАГС они приехали на такси. От ЗАГСА до «Зеленого по-

пугая» было несколько кварталов, но они пошли пешком. Слегка пощипывал щеки легкий морозец. Недавно выпавший снежок уже не таял, а лишь краемально хрустел под ногами. Он очищал воздух от городских газов и дымов, добавляя ему чистоты и свежести. От этого ли воздуха, или же от недавней брачной процедуры Юля покраснела, была необыкновенно хороша, и Анатолий Борисович, бросая на нее восхищенные взгляды, откровенно любовался ею.

Расписали их в три часа дня. До вечернего наплыва посетителей еще далеко, и в «Зеленом попугае» об эту пору было малоллюдно. Они прошли через весь зал. Столик, за которым любил когда-то коротать свободное время Анатолий Борисович, был свободен.

– Вот здесь мы и познакомились, – сказал Анатолий Борисович и спросил: – А ты помнишь, как это было?

– Конечно! – откликнулась Юля. – Я стояла неподалеку и раздумывала, куда бы сесть. Вы пригласили к себе за столик, сказали: «Девушка, разделите мое одиночество».

– А в ответ я услышал: «Если я тоже хочу одиночества?»

– И вы сказали на это: «Тогда за одним столом окажутся два одиночества».

– И вот теперь, – Анатолий Борисович погладил Юлю по руке, – два одиночества соединились в одно не одинокое целое, которое, надеюсь, уже не распадется никогда.

Юля глубоко вздохнула и положила голову Анатолию Борисовичу на плечо. Он осторожно, словно боясь спугнуть ее, достал из внутреннего кармана смартфон и, отставив его на длину вытянутой руки, сделал фото.

– Селфи на память? – улыбнулась Юля...

Когда они вышли из «Зеленого попугая», на улице уже стемнело. День был почти совсем по-зимнему короток.

– Погуляем еще? – спросил Анатолий Борисович.

– Погуляем, – согласилась Юля.

И они побрели, обнявшись, по одной из аллеек сквера, начинавшегося у «Зеленого попугая». Искрился снег под светом фонарей. Шуршание авто-

мобильных шин, доносившееся с проезжей части пролегающей невдалеке магистрали, напоминало неумолчный шум речной воды. Идти было легко и приятно.

Но что-то вдруг насторожило Юлю. Ей почудилось, что за ними кто-то пристально наблюдает. Незаметно, стараясь не привлечь внимание Анатолия Борисовича, она огляделась. Ничего вроде бы подозрительного. Но ощущения слезки не оставляло. Они прошли еще немного, и у Юли заныло в груди от нехорошего предчувствия. Она еще раз повернула голову в сторону проезжей части и тут, наконец, заметила тихо едущую чуть позади них и почти впритирку к обочине машину. Юля узнала ее. На этом бежевом «Lexus» с небольшой, но заметной вмятиной внизу правой передней дверцы, Николай подвозил ее тогда в первый раз к «Зеленому попугаю». А теперь, значит, устроил слезку...

В радостной суете последних дней Юля совсем забыла о Николае и той страшной роли, на которую он ее «подписал». Сладостное предощущение наступающей счастливой поры в ее жизни застило на время, отодвинуло в тень остальное. И вот теперь все возвращается на круги своя. И этот «Lexus», бесшумно скользящий вдоль обочины, – он словно жестокий дьявольский знак, зловещая «черная метка» ей...

Юле стало не по себе. Сердце колотилось и подкатывало к горлу. Ноги не слушались. Ей казалось, что еще несколько мгновений, и она рухнет в этот пушистый, не обмятый снежок. Выручила возникшая на их пути садовая скамейка. Юля опустилась на нее, тревожно глядя на проезжую часть. «Lexus» тоже выжидающе остановился. Юля представила себе, как через тонированные стекла напряженно смотрит в их сторону Николай.

– Притомилась? – погладил ее по плечу Анатолий Борисович и сел рядом.

Его близость немного успокоила Юлю. Появилась надежда, что и сейчас все как-то само собой образуется. Ну, выследил, ну, и что?.. Посмотрит, посмотрит, да и уедет восвояси. Потом,

правда, доставать начнет... Но это потом, а сейчас поскорее бы убрался и не портил окончательно такой прекрасный для нее день. Юля почти убаюкала себя этими мыслями, как вдруг зазвонил ее мобильник.

– Алло! – поднесла она его к уху, вставая со скамейки.

– Так вот, значит, как у нас все происходит! Я жду, что эта скотина вот-вот дуба даст, а он, оказывается, живехонек-здоровехонек, и, как я вижу, в кафешках с тобой развлекается... Как это понимать? Ты что, хочешь меня кинуть, пытаешься, как лоха, развести? Сматри, паскуда, с огнем играешь?

– Это ты поосторожнее, едва сдерживая ярость, отозвалась Юля. – Мы теперь с ним, между прочим, законные муж и жена. Так что...

– Да я вас обоих...

Телефон отключился. И тут же Юля увидела, как распахнулась передняя дверца «Lexusa», из машины выскочил Николай в не застегнутой куртке-«аляске», сбитой на затылок вязаной шапочке и почти бегом направился к ним.

16

Юля спрятала телефон, вернулась к скамейке. Анатолий Борисович во все глаза смотрел на спешащего к ним человека, явно его узнавая.

– Коля?! – удивленно воскликнул Анатолий Борисович, когда тот оказался перед ними. – Какими судьбами? Что-то случилось?

– Случилось! – выкрикнул Николай. – Все уже давно случилось. Еще тогда, когда Борька по твоей милости погиб и мокрого места от него не осталось, когда потом и мать следом... пережить не смогла... Их смерть на твоей совести. И ты это прекрасно знаешь!..

– Да нет, сынок, чиста моя совесть. И вся моя «вина» только в том, что я поступил тогда честно.

– Да кому твоя честность нужна, если из-за нее гибнут родные люди?..

«Сынок?..» – ударило Юле в уши, и словно невидимая цепь замкнулась: все связалось после этого ключевого слова, все встало на свои места. Никакой Анатолий Борисович, конечно, не

наркобарон и не главарь преступной группировки, выдуманный Николаем, а... – вот, оказывается, где собака зарыта – его собственный отец, которому он мстит за смерть брата и матери.

Юля вспомнила, как рассказывал ей об этой семейной трагедии сам Анатолий Борисович, и только теперь ей сделалось по-настоящему страшно, что едва не стала она орудием изощренного отцеубийства в мстительных руках родного сына.

«Еще не вечер!..» – ядовитым огнем вспыхнуло в ее голове, и игольчатой болью прокололо сердце. «Нет, нет, нет! – молча сказала Юля самой себе и крепко, до желваков на скулах сжала зубы, словно это как-то могло помочь не свершиться злу.

– Это у нынешних поколений все меньше остается святого и все больше эгоизма. Нас воспитывали в любви в первую очередь к родине, а не себе, и родину защищать считалось святым долгом и почетной обязанностью мужчины...

– Только вот не надо этой вашей советской демагогии, – перебил Николай. – Ты-то в армии не за спасибо – за деньги служил, а Борька, считай, задарма. И погиб ни за что...

– То есть как это ни за что? – возмутился Анатолий Борисович. – За нас с тобой, за землю нашу. И Борис свой долг с честью выполнил...

– Да сдался бы ему этот долг! – упрямо твердил сове Николай. – Если бы ты тогда свою тачку не пожалел, мать обязательно Борьку бы отмазала.

– Всё на деньги меряешь? – с обидой сказал Анатолий Борисович. – Все вы сегодня на деньгах помешались. Золотой телец глаза застит – молитесь на него, готовы глотку друг другу перегрызть.

А ведь Анатолий Борисович прав, – слушая их ожесточенный на повышенных тонах спор, соглашалась Юля. Застит, да еще как! В этом ослеплении и она чуть не погубила человека. Ни за что, ни про что, ничего, как говорится, личного, просто за деньги.

– Ну, да, зато ты чистенький, белый и пушистый. Пробы ставить негде! Говоришь, мы на деньгах помешались? Да нет, это тебе они башку так замутили,

что дороже судьбы родного сына оказались... Жадность обуюла такая, что спасти Борьку не захотел. И погубил.

– Что ты несешь?! – побагровел Анатолий Борисович. В конце концов, армия не тюрьма, чтоб от нее спасать. И не я его погубил. Так сложились обстоятельства – сам знаешь...

– Обстоятельства... – презрительно скривился Николай. – Останься Борька дома, ничего бы и не было.

– А, ладно! – устало и как-то, показало Юле, обреченно махнул рукой Анатолий Борисович. По всему было видно, что разговор на эту тему возникал между ними не раз и к согласию он отнюдь не приводил.

Анатолий Борисович повернулся к Юле, взял ее под руку и сказал:

– Пошли!

– А тебе не интересно, кого ты пригрел? – остановил его Николай вопросом.

– Не понял? – уж, было, сделав первый шаг, притормозил Анатолий Борисович.

– Я про эту шлюху, которая рядом с тобой.

– Выбирай выражения, парень! – жестко сказал Анатолий Борисович. – Это, к твоему сведению, отныне моя законная жена.

– Отныне... А до ныне была «девочка по вызову», которую наняли, чтобы тебя прикончить.

– Как прикончить? – растерялся Анатолий Борисович.

– А вот так: сначала ублажить, потом прикончить...

– Ой, да не слушайте его! – умоляюще воскликнула Юля. – Пойдемте отсюда, пойдемте домой, я все объясню...

– Объясни, объясни. Как в доверие втиралась, как отравить собиралась.

– Замолчи, гад! – рванулась к Николаю Юля.

Анатолий Борисович удержал ее за руку и с неожиданным спокойствием спросил:

– А заказчик кто? Кто нанял-то?

Николай замешкался.

– Уж не ты ли сам?

– Да хоть и я! – испуганно заорал Николай. – Ни Борьку, ни мать я тебе не прошу. Ты их убил, значит, и тебе нет места в этой жизни!

– Вот оно как... Ну, что ж, в тебе всегда была червоточинка. Но я и подумывать никогда не мог, что ты можешь до такой степени прогнать... Ладно, – глухо сказал Анатолий Борисович. – Будем считать, что с этого момента нет у меня и другого сына...

– Напугал! – зло скривил губы Николай. – У меня отца давно нет...

Анатолий Борисович круто повернулся в ответ и зашагал по бульвару прочь от скамейки. Юля растеряно топталась на месте. Девушку била нервная дрожь. Предстоящее объяснение с Анатолием Борисовичем ее очень пугало. И больше всего боялась она того, что после сейчас услышанного о ней Анатолий Борисович, как и Николая, навсегда вычеркнет ее из своей жизни. Однако с Николаем дело обстояло, пожалуй, еще хуже и страшнее. Если надежда на то, что Анатолий Борисович поймет и простит, в самой глубине Юлиной души все-таки теплилась, то ожидать нечто подобное от Николая не приходилось. Слишком уж ослеплен он был злобным желанием отмщения, чтобы позволить кому-то встать на пути его осуществления.

«Но ведь мы же теперь супруги. А, значит, я просто обязана сейчас быть рядом с Анатолием Борисовичем. А он пусть решает, как дальше поступить со мной: по любви, совести или еще как!..» – пришла вдруг Юле спасительная мысль.

Она бросилась догонять Анатолия Борисовича, но тут услышала за спиной голос Николая:

– Стоять!

Юля оглянулась. С перекошенным лицом Николай бежал за ними, пытаясь что-то выдернуть из кармана куртки, и кричал:

– Ты просто так не уйдешь, сволочь, все равно тебе не жить!..

«Это конец! – подумала Юля, принимая слова Николая на свой счет. – Сейчас догонит и убьет! И Анатолий Борисович не успеет помочь. А может, и не захочет...»

Николай, наконец, высвободил правую руку из кармана куртки, и Юля увидела в его руках пистолет. От страха

она рванула что было сил. И услышала за своей спиной резкий хлопок.

Анатолий Борисович был уже совсем близко. Юля увидела, как он, только что размашисто шагавший, резко остановился, словно сходу наткнулся на какое-то препятствие, и на плече его начало набухать и расплываться темно-красное, почти бурое пятно. Анатолий Борисович повернулся. Юля увидела его недоуменные глаза, гримасу боли на лице и поняла, что Николай выстрелил в отца.

Обернувшись, она натолкнулась на обезумевший ненавидящий взор Николая. Он снова наводил на отца пистолет. Тот все с тем же недоумением, зажав ладонью окровавленное плечо, смотрел на Николая, не делая никаких попыток уйти, убежать, уклониться...

– Не стреляй! – закричала Юля.

Пистолет в руке дернулся, ствол чуть опустился. Николай, скосив глаза в сторону Юли, тоном, от которого мороз пробрал по коже, пообещал ей:

– А с тобой, шлюха продажная, поговорим отдельно...

Ствол принял прежнее положение, палец лег на спусковой крючок...

Не думая больше уже ни о чем, Юля, преодолев в мгновение ока оставшиеся между ними метры, бросилась Анатолию Борисовичу на шею, пытаясь загородить его.

Николай опять открыл огонь. Снова и снова нажимая на спусковой крючок, он с иступленной яростью выкрикивал вслед раздающимся выстрелам:

– Это тебе за Борьку!.. Это тебе за мать!.. Это тебе за нашу покалеченную семью!..

Он палил, пока не кончились патроны. После каждого выстрела Юлина спина окрашивалась точно таким же, как и у Анатолия Борисовича, темно-красными пятнами, но девушка не убирала рук с его шеи. И только когда пальба затихла, они оба, как и были в объятиях, повалились на землю, пачкая снег своей кровью.

К ним бежали люди. Анатолий Борисович держал голову Юли на коленях, гладил ее и, глядя в остановившиеся глаза, что-то бессвязно говорил и говорил ей, не обращая внимания на

собирающуюся вокруг них толпу.

Почти одновременно подъехали «скорая» и полиция. Изрешеченная пулями Юля не подавала признаков жизни. Но Анатолия Борисовича врачи все никак не могли убедить, что ей уже ничем не помочь, а вот ему надо срочно в больницу.

Николай стоял в трех шагах от них, продолжая судорожно сжимать в опущенной руке травматический пистолет. Он был в полном ступоре. Полицейские едва разжали его пальцы, чтобы забрать оружие...

Анатолия Борисовича прооперировали. Рана оказалась не тяжелой, но крови, пока не лег на операционный стол, он потерял изрядно. Поэтому и в больничной палате ему пришлось проваляться почти месяц. Да и после выписки рука еще долго не могла нормально работать. Хоронить Юлю ему не довелось. Пока лежал в больнице, ее тело забрали родственники и увезли в свой райцентр.

Анатолий Борисович собирался съездить, побыть на ее могилке, но не успел. Еще не закончилось следствие, когда его нашли мертвым в своей квартире. Обнаружили Анатолия Бо-

рисовича соседа, у которых он хранил запасной ключ. Им показалось подозрительным, что несколько дней подряд Анатолий Борисович не выходит из дома, не отвечает на звонки – в дверь и телефонные. Решили посмотреть, не случилось ли чего...

Анатолий Борисович сидел за столом, уронив голову на руки. Вокруг лежали семейные фотографии и смартфон с тем самым «селфи» на память, который был сделан Юлей в «Зеленом попугае», когда зашли они отметить свое бракосочетание. Анатолий Борисович был мертв. Врачи констатировали «обширный инфаркт».

Суд над Николаем Шумаковым состоялся на пороге лета следующего года. Обвинялся он по статьям «покушение на убийство» и «убийство по неосторожности». Вину свою он признал частично. Признался, что никак не ожидал, что Юля бросится закрывать собой отца, а остановиться уже не смог. В остальном вины за собой не видел и все твердил, что таким, как Анатолий Борисович, на земле не место.

Взвесив все обстоятельства случившегося, суд назначил Николаю наказание в виде 14 лет лишения свободы в колонии строгого режима...